

РОМАН ЗЛОТНИКОВ
ЮЛИЯ ОСТАПЕНКО

Арвендейл
Нечистая кровь

Арвендейл

Роман ЗЛОТНИКОВ

Арвендейл. Нечистая кровь

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Злотников Р. В.

Арвендейл. Нечистая кровь / Р. В. Злотников — «Эксмо»,
2018 — (Арвендейл)

ISBN 978-5-04-091999-4

Смена властителя Империи людей произошла внезапно. Карлит II, предшественник императора Эонтея, был еще в самом соку, когда неизвестная лихорадка свела его в могилу за несколько дней. Что же случилось с могущественнейшим из королей? Имел ли отношение к этому молодой, но уже весьма хваткий и амбициозный виконт Эгмонтер? И не замешаны ли в эту интригу Яннем, король Горного королевства, и его брат Брайс, который что-то слишком уж много знает о темной магии... Порой судьбы великих империй и их властителей вершатся на самых задворках этих империй.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091999-4

© Злотников Р. В., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Роман Злотников, Юлия Остапенко

Арвендейл. Нечистая кровь

© Злотников Р., Остапенко Ю., 2018

© Оформление ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Пролог

Королю Лотару, владыке Митрила, не следовало умирать. Это был крайне безответственный, крайне безрассудный поступок с его стороны.

В тот день двор выехал на последнюю охоту в преддверии Зимнего Поста. Стояли редкостно погожие дни на исходе осени, землю еще не сковал лед, хотя по утрам ее схватывало изморозью, а озеро Мортаг уже затянулось прозрачной коркой у берегов. Плохое время для охоты, если искать необременительных развлечений, и отличное время, если охотник желает бросить добыче вызов. А король Лотар слыл именно таким охотником, поэтому последние дни охотничьего сезона были его излюбленной порой. И самой ненавистной порой для королевского двора, который он безжалостно таскал за собой по скальным ущельям и горным тропам, забираясь с каждым разом все глубже, потому что с приближением зимы добыча уходила в горы, к своему логову. И именно это распалило в короле азарт. Именно на такой охоте он мог сполна показать своим подданным, как много в нем все еще силы.

Потому что только по-настоящему сильный воин и маг рискнет вести охоту на троллей глубоко в горах в преддверии зимы.

«Безрассудно», – подумал Брайс, глядя на облачко пара, вырывающееся из губ при дыхании. В городе он этого не замечал – там слишком много людей, высокие стены защищают от стылого ветра с южной равнины, а горный хребет – с севера. Эльдамар, столица королевства Митрил, лежит в пади, надежно укрытый со всех сторон и от непогоды, и от врагов, так что настоящий холод приходил туда позже. Но здесь, высоко в горах, на краю широкой расщелины, ныряющей в толщу скал, ветер свободно срывался с вершин и пробирал до костей. Придворные ежились, кашляли, глухо ворчали, но, разумеется, никто не посмел и пикнуть, когда Лотар после оживленного диалога с егерями приказал двигаться в расщелину, уводившую еще дальше в горы – дальше, выше и глубже. Эта расщелина соединяла Митрильское плато со Скальным Зубом. Здесь никогда не селились люди, но нередко сюда забредали тролли: в толще скал залегало одно из их поселений. Эта бесплодная каменистая земля принадлежала им, а не людям – люди были тут самозванцами и знали об этом. Лотар обожал охотиться именно в таких местах, где добычу не надо подолгу дразнить и выманивать, потому что она бродит вольготно и черпает в горах силу. Здесь легко выследить тролля и намного сложнее одолеть его.

Брайс услышал, как Яннем рядом с ним что-то пробормотал – как и следовало ожидать, без тени почтения к отцовским забавам. Брайс перехватил недовольный взгляд брата и насмешливо выгнул бровь. Да, он и сам только что мысленно назвал их венценосного отца безрассудным. Но вовсе не в упрек. Скорее, с восхищением. Королю Лотару исполнилось семьдесят два года, он был худ, жилист, его длинные волосы и борода поседели много лет назад, но сил и задора ему все еще не занимать. Это даже не нуждалось в доказательствах: о недюжинной мощи старого короля наглядно свидетельствовала та яростная решимость, с которой он вел государственные дела, никому – ни Совету, ни жрецам, ни даже своим наследникам – не уступая и пяди власти. Не далее как на прошлой неделе он приказал выпороть и прогнать через весь город гольшом придворного, посмевшего слишком громко критиковать политику короля в отношении светлых рас. Лотар наблюдал за экзекуцией лично, стоя на крепостной стене королевского замка Бергмар, и весело хохотал, словно мальчишка на ярмарочном представлении. Нет, он вовсе не собирался сдавать. Возможно, отчасти именно этим и вызвано недовольство Яннема – его старшего сына.

Но младшего сына, Брайса, бесстрашная удаль отца приводила в невольное восхищение. И еще он очень любил наблюдать, как отец колдует.

У короля имелись при себе меч и рогатина, но на охоте он использовал их лишь в самом конце, чтобы добить добычу. Нападал он всегда только магией. Это была грубая, прямолиней-

ная магия: выдрать с корнем толстое дерево и швырнуть тролля под ноги, столкнуть на голову гигантский обломок скалы, нависающий над обрывом, расколоть почву у тролля прямо под ногами. Король Лотар колдовал так же, как охотился и правил, так же, как уничтожал своих врагов: с бешеным напором, безо всяких колебаний. И не считаясь ни с каким риском для себя или для людей, которых вел за собой. На таких охотах неизменно кто-нибудь погибал, но чаще не в зубастой пасти и когтистых лапищах разъяренных троллей, а от примененной коро-лем магии, слишком разрушительной, а потому и не очень меткой. Только в этом сезоне на охоте погибли трое, придавленные оползнем, который Лотар вызвал, чтобы завалить особенно крупную тролчью тушу. Лотар остался в восторге от той охоты, голова его жертвы до сих пор кровожадно скалилась с почетного места в Трофейной оранжерее.

Но сегодня, похоже, короля Лотара ждал еще более внушительный трофей. Уникальный. – Это шаман, ваше величество, – посоветовавшись между собой, сообщили егеря.

Известие вызвало в рядах придворных ропот, на лице Яннема – очередную кислую гримасу, а Брайса заставило резко выпрямиться в седле.

Шаман! И вправду редкостная добыча. Они почти никогда не удаляются от своих поселений. Брайс не мог припомнить ни одной охоты, когда бы им удавалось не то что убить, а хотя бы встретить шамана. Лотар тоже оценил сообщение: его темные, совершенно не выцветшие глаза засверкали в предвкушении.

– Чудный подарок преподносят мне Светлые боги в преддверии Поста, – хриплый, но все еще звучный голос старого короля разнесся по ущелью, отдаваясь эхом в горах. – Отличная работа, Герберт. Зайдешь к казначею, когда вернемся в столицу.

– Ваше величество, – старший егерь подобострастно склонился в поклоне.

– Отец, – голос Яннема прозвучал не так громко, как голос Лотара, но так же твердо. – Вы точно уверены, что это хорошая идея? Это же не просто тролль...

– В том-то и дело, что не просто тролль, – грубо перебил Лотар сына, и от его слов повеяло таким холодом, что Брайс невольно поежился, хоть отец обращался и не к нему. – И, слава богам, во мне достаточно маны, чтобы радоваться этому, а не поджимать хвост. А ты, Яннем, можешь спрятаться за спину Брайса. Тебя все поймут.

Это было жестко. Лотар редко унижал старшего сына в присутствии посторонних – хотя, Брайс знал, постоянно делал это, когда они оставались наедине. Кровь отхлынула у Яннема от лица, он шевельнул губами, но благоразумие удержало его от ответа. К тому же Лотар отчасти прав. Яннем – неважный охотник. В этом нет его вины, но факт остается фактом. Брайс, младший из принцев Митрила, только за этот охотничий сезон собственноручно убил двух троллей и вместе с отцом участвовал в загоне еще трех. Яннем, старший сын короля, за всю свою жизнь не убил ни одного тролля. А уж против шамана у него нет вообще ни малейшего шанса.

Потому что Яннем, принц Митрила, с самого рождения был абсолютно, начисто лишен способности к магии.

– Не волнуйся, Ян. Я прикрою, если что, – подбодрил его Брайс и улыбнулся.

Он сказал это достаточно тихо, и в улыбке совсем не сквозило издевки – по крайней мере, самому Брайсу так казалось. Но несколько голов повернулись к ним, а бледность Яннема стала просто-таки мертвенной. Он резко дернул повод коня и демонстративно отъехал в сторону от брата, но не прочь от ущелья, а ближе к нему. Придворные опять зашумелись, но тут внимание переключилось на Лотара, который направил коня прямо в ущелье, жестом велел егерям уступить ему путь. Расселина, прорезающая скалу насквозь, почти отвесно уходила вверх. Стальные подковы заскрежетали о валуны, вниз посыпались мелкие камни, пока конь короля с усилием вскарабкался по крутому склону. Он был отменно тренирован для этого, к тому же Лотар поддерживал его магией, и все равно у Брайса захватило дух, пока он смотрел, как темная фигура его отца с развевающимися седыми волосами взбирается на скалу по такой дороге, которую не смог бы преодолеть никто другой...

Ну, разве что кроме самого Брайса. Он тоже хорош в магии. Очень хорош.

И все же не он, а Яннем попытался спасти их отца в те краткие мгновения, когда еще оставался шанс его спасти.

Все произошло быстро. Ужасающе быстро. Брайс был еще очень юн и не знал, что именно так происходят наиболее важные события в жизни людей и королевств – с молниеносной скоростью, когда побеждают не самые сильные, а самые быстрые. И, конечно, те, на чьей стороне обстоятельства – и сила богов. Иногда Светлых, иногда Темных. И никогда не знаешь заранее, какие на этот раз победят.

Шаман возник из расселины внезапно, словно нарочно поджидал в засаде. Тролли отличались изрядным тупоумием, однако недостаток смекалки сполна компенсировали гигантским ростом и чудовищной силой. Но шаман оказался и мельче, и проворнее, и хитрее тех громадин, с которыми охотники обычно имели дело. Он дождался, пока король Лотар взберется на небольшой уступ в верхней части расщелины, там, где она окончательно нырнула вглубь горы и терялась во тьме. Даже будучи мелкой особью, шаман оказался выше сидящего верхом короля на добрых пять футов и поначалу решил не растрачивать ману попусту, поэтому просто ударил всадника громадным кулаком. Невидимый защитный барьер вокруг короля легко отразил удар. Брайс рванулся вперед, чтобы поддержать отцовский барьер, ослабленный этой первой атакой. Но Лотар почувствовал, как к нему тянется магия младшего сына, и, не оборачиваясь, предостерегающе вскинул ладонь.

– Брайс, нет! Я сам! – крикнул он. Вой ветра почти заглушил его голос, но Брайс все понял. И отступил. Он послушался и отступил, и много раз потом спрашивал себя, что случилось бы, поступи он иначе.

Отец встретил шамана троллей впервые за много лет и решил убить его в одиночку, на глазах у почтительно взирающей свиты. Это должно было погубить его. Тщеславие всегда губит людей, и еще вернее оно губит королей.

Лотар вскинул перед лицом меч, перехваченный двумя руками – ритуальный клинок, служивший королю амулетом для боевых заклинаний. Мгновенный, стремительный, ошеломляюще красивый пасс... Брайс узнал его: заклятие на дрожь земли. Сейчас гора пойдет рябью, содрогнется и сомкнется, перемалывая шамана в труху. Одно из самых эффектных, но и наиболее энергозатратных заклятий, даже Лотар нечасто его применял. Оно не просто затрагивало отдельный предмет или направляло сгусток энергии, оно взывало к самой природе, к толще земли. Лишь помазанным королям доступны заклятия такой силы. У Брайса мелькнуло сожаление, что сам он никогда не сумеет сотворить ничего подобного, и в то же время мысль, что как-то мелочно растрачивать такую силу для простой охоты, пусть даже и на шамана...

И пока он думал об этом, ничего не произошло.

Вообще ничего.

Земля не содрогнулась. Нет, что-то похожее на движение под ногами Брайс ощутил, но только на миг – так слабо, словно кто-то хотел прокричать во весь голос, а смог лишь выдавить жалкий писк. Брайс непонимающе вскинул голову. Лотар все еще стоял в позе заклятия, Брайс видел, как вибрирует лезвие ритуального меча, заклинание работало – и... ничего не происходило.

И тогда Брайс впервые в жизни увидел улыбку тролля. Потом она часто являлась ему в кошмарных снах.

Шаман вскинул громадные лапы, соединив кончики когтистых пальцев. Прошамкал что-то на скрежещущем языке. Не было ни грома, ни грохота, ни тьмы. Совсем простое заклинание. Шаман не пожелал тратить маны на какого-то жалкого человека. «Барьер, – мелькнуло у Брайса, – отца защитит барьер...»

Но заклинание шамана пробило барьер, как нож пробивает масло. Оно отшвырнуло короля Лотара вместе с конем от тролля на десяток ярдов. Вниз, в пропасть.

– Отец! – закричал Брайс.

Если бы он потратил это мгновение не на крик, а на то, чтобы сплести воздушную подушку и смягчить падение, его отец остался бы жив. Но Брайс не сделал этого. Просто не успел. Слишком велик оказался шок от увиденного. От того, что могучая магия короля Лотара почему-то внезапно перестала работать.

В следующий миг Брайс увидел две вещи. Первой был арбалетный болт, торчащий из глаза тролльего шамана. Шаман медленно повернул голову в сторону выстрела. Брайс машинально проследил взглядом за ним и увидел Яннема, прижимающего к плечу арбалет. Яннем попытался. Слишком поздно, но он хотя бы попытался.

Второй вещью, которую увидел Брайс, было мертвое, изломанное тело отца на камнях внизу.

Несколько бесконечных мгновений никто не шевелился. Потом все задвигались, заговорили разом. Егеря и придворные бросились к тому месту, где лежал король рядом со своей искалеченной, но все еще живой, истощенно ржущей лошадей. «Кто-то должен добить ее, – подумал Брайс. – Добейте ее, пусть она прекратит». Мысль была на удивление спокойной и совершенно бессмысленной. Он с трудом пробрался сквозь толпящихся придворных к тому месту, где упало тело его отца. Лекарь, неизменно сопровождавший Лотара на охотах, стоял рядом, и по ужасу на его лице Брайс понял, что сделать ничего нельзя. Он опустился перед отцом на колени, взял за руку, пытаясь ощутить хотя бы последнее пожатие. «Почему я не сделал внизу подушку? Почему не смягчил падение?» – спрашивал он себя и не находил ответа. Такого ответа, который не делал бы его почти предателем. Почти отцеубийцей.

Гомон вокруг понемногу стих. Все уже поняли, что Лотар мертв. И все забыли о шамане. Брайс поднял голову, выискивая тролля взглядом, но шаман исчез, не стал тратить лишние силы и ману на букашек, столь самонадеянных, что бросили ему вызов. Это казалось странным. Что-то было во всем этом неправильное, невероятное. Ничего из того, что здесь случилось, нельзя объяснить простой случайностью. И в то же время некого обвинить.

И тогда Брайс увидел Яннема. Тот стоял с арбалетом в опущенной руке, словно не решаясь приблизиться, хотя все расступились и ничто не мешало Яннему подойти к брату, опуститься на колени и оплакать отца вместе с ним. Но Яннем не подходил. Он стоял и смотрел на своего мертвого отца и коленопреклоненного брата.

– Отец умер, – проговорил Брайс, все еще сжимая неподвижную руку владыки Митрила. Ветер утих, и эхо гулко отразило его голос над ущельем, далеко разнося в повисшей мертвенной тишине.

– Да. Отец умер, – сказал Яннем негромко, почти буднично. Без торжественности и без горечи. Просто сказал.

Их взгляды встретились, и Брайс понял.

Отныне они – не братья. Отныне они – враги.

Глава 1

В первый день зимы, совпадавший с первым днем Поста, а также с днем похорон короля Лотара, в замке Бергмар состоялся королевский Совет.

Это был очень особенный Совет по целому ряду причин. Во-первых, он никогда ранее не собирался в Пост, если только дело не касалось вопросов чрезвычайной важности – мятежа черни или внезапных нападений орков, которые, однако, редко случались зимой. Во-вторых, даже собираясь, Совет никогда ничего не решал. Так повелось последние пятьдесят лет, когда Митрилом правил король Лотар, в первые же годы своего царствования забравший всю власть в чугунный кулак и не делившийся ею ни с кем. Да, он созывал Совет на заседания; да, он выслушивал Лордов-советников; да, порой он даже дипломатично делал вид, будто отчасти считается с ними, но решения всегда принимал сам, и часто они шли вразрез не только с мнением Совета, но и со здравым смыслом. Это продолжалось многие годы, и теперь, оказавшись перед лицом внезапной свободы решений, Совет рисковал встать в тупик. Это были люди, собиравшиеся, чтобы создать видимость деятельности, а вовсе не для деятельности как таковой.

И вот теперь у них нет короля. Более того, именно то, что у них нет короля – та самая причина, по которой они здесь собрались.

За прямоугольным столом стояло шесть кресел, но одно место пустовало. Лорд-хранитель умер в прошлом месяце, и замену ему подыскать не успели, а теперь было не до того. Впрочем, это скорее упрощало дело, чем усложняло его. Число шесть считалось символичным и формально играло в интересах монарха: если бы мнения Лордов-советников разделились поровну, голос короля стал бы решающим. А теперь их пятеро, и в любом случае большинство решит, что делать дальше. Какого короля дать внезапно осиротевшему Митрилу?

Ибо ответ на этот вопрос был далеко не очевиден.

– Ну? – раздраженно сказал Мелегил, Верховный жрец Светлых богов, носивший в Совете титул Лорда-пресвитера. Он нервничал больше всех и безостановочно барабанил толстыми пальцами по подлокотнику кресла. – Кто-нибудь начнет наконец? Или так и будем пялиться друг на друга?

По правую руку от Лорда-пресвитера сидел Лорд-казначей, Адалозо. Он выглядел намного спокойнее – впрочем, за внешней невозмутимостью могло скрываться что угодно, ибо Лорд-казначей слыл великим лицемером и человеком весьма осторожным. В ответ на выпад Мелегила он озабоченно нахмурился и качнул головой, явственно отдавая инициативу кому-то другому. Предложением никто не спешил воспользоваться. Все напряженно молчали.

Наконец Фрамер, носивший титул Лорда-защитника, встал с места и грохнул по столу кулаком в латной перчатке. В отличие от Лорда-казначая, это был предельно прямодушный человек.

– Чтоб все это побрали Темные боги! – рявкнул он. – У нас нет короля! Нам немедленно нужен король! Для кого-то это неясно?

– Это как раз совершенно ясно и очевидно, друг мой. Неочевидны лишь наши дальнейшие действия, – подал голос Дальгос, именуемый Лордом-дознавателем. Его манеры сочетали в себе мягкость Адалозо и открытость Фрамера. Но мало кто обманывался на его счет, потому что в ведении Лорда-дознавателя находилась тайная канцелярия, шпионская сеть и башня пыток. Покойный король Лотар выделял его среди прочих и даже порой прислушивался к нему, что было вообще уже исключительным делом. Но теперь Лотар мертв. И многое неизбежно изменится.

В ответ на слова лорда Дальгоса лорд Фрамер грохнул вторым кулаком и навис над членами Совета, оперевшись в столешницу так, что стол накренился в его сторону.

– Что тут неочевидного, лорд Дальгос? У нас есть наследный принц. Коронуем его. Завтра же. Все.

– У нас два принца, – вскинулся молчавший до сих пор Верховный маг, он же Лорд-маг, по имени Иссилдор. – Два, попрошу не забывать!

– Полтора, если уж на то пошло, – холодно бросил Лорд-пресвитер. – Или вы считаете грязного полукровку правомочным наследником тысячелетнего трона Митрила? Вы это что, всерьез?

Над столом повисла зловещая тишина. Роковое слово прозвучало. Полукровка. Именно полукровкой являлся Брайс, второй из оставшихся в живых сыновей Лотара. Рожденный двадцать лет назад от эльфийки Илиамэль, которую король Лотар, всю жизнь презиравший любые иные расы, кроме людей, отчего-то полюбил с неимоверной страстью и даже сделал своей женой. Женой, но не королевой. Илиамэль так и не удостоилась коронации по целому ряду причин, оспаривать которые не посмел даже Лотар. Он подавлял своей волей любые протесты, и ему удалось заставить Верховного жреца провести венчальный обряд, но вынудить Лорда-пресвитера помазать Илиамэль на царство он так и не смог. Когда Лотар наткнулся на нее в горах во время одной из своих любимых охот, она не могла даже объяснить, кто такая и откуда пришла. Потому что у нее не было языка. Он оказался отрезан, как и заостренные кончики ушей. Так эльфы клеймят тех, кого прокликает и изгоняет Светлый лес.

Некоторые говорили, что, возможно, именно поэтому Лотар и принял Илиамэль. Следуя многовековой традиции Митрила, Лотар презирал эльфов, равно как и гномов, и вообще любые другие расы, кроме людей. Но Илиамэль отверг ее собственный народ. Враг врага может стать другом. А может – любовницей и женой. Говорили также, что Илиамэль попросту приворожила Лотара, но в это мало кто верил, учитывая, какой могучей магией владел король. Возможно, отчасти поэтому он относительно легко примирился с тем, что его новой избраннице не позволили стать королевой. Во время обряда помазания на царство Илиамэль обрела бы дополнительную магическую силу, а Лотар не собирался делиться властью ни с кем, даже с женщиной, которую полюбил. Первая его супруга, королева Кламилла, сильными способностями к магии не отличалась и всю жизнь провела в тени своего венценосного супруга. Так что эльфийка Илиамэль так и осталась женой короля, но не королевой.

И поэтому было крайне затруднительно четко определить статус ее единственного сына, Брайса.

– Может, он и полукровка, – заметил лорд Адалозо. – Но, по крайней мере, он владеет магией. Вы, лорд Фрамер, руководите внутренней безопасностью, потому привыкли полагаться больше на закон и физическую силу, чем на колдовство. Но вам прекрасно известно, что испокон веков короли Митрила – могучие маги. Как вы представляете на троне принца Яннема, который не способен даже пользоваться амулетами?

Это была правда. Жестокая правда, принесшая немало страданий молодому принцу. Он был всего на два года старше Брайса – его мать, королева Кламилла, умерла, рожая своего последнего ребенка, Яннема. На свое счастье, потому что благодаря этому она не увидела эпидемии чумы, унесшей двух ее старших сыновей – Клайда и Рейнара. То были сильные, умные, отважные юноши, в равной мере владевшие и мечом, и магией, очень похожие на своего отца. Клайда официально объявили наследником, когда ему исполнилось пятнадцать; Рейнар, по очередности рождения, считался вторым. Принц Яннем значился в очереди только третьим. Никого особо не волновало его странное увечье (ибо отсутствие магических сил в королевском потомке являлось не чем иным, как увечьем, вызывавшим презрение и жалость). Никому не приходило в голову, что однажды Яннем может стать главным претендентом на престол. И когда несколько лет назад Клайд и Рейнар умерли от чумы, один за другим, король Лотар наотрез отказался обсуждать в Совете официальное назначение нового наследника. Одно упоминание об этом ввергало его в ярость. «Я проживу еще пятьдесят лет и зачну еще дюжину

сыновей!» – в бешенстве кричал он, когда кому-то доставало дерзости поднять эту тему. Но еще пятьдесят лет он не прожил. А из сыновей остались только двое, выбирать между которыми было немислимо: настолько неприемлемыми выглядели обе кандидатуры.

И это понимали все Лорды-советники, каждый из них. Потому так и нервничали, переругиваясь друг с другом, не в состоянии прийти к единому мнению.

– Милорды, – сказал наконец Дальгос, прервав напряженную тишину. – Кто-то из нас должен сказать вслух правду, которую знаем мы все. Ни принц Яннем, ни принц Брайс недостаточно хороши, чтобы занять тысячелетний трон Митрила. Но правда также в том, что других претендентов у нас нет. Если мы отвергнем обоих, это будет означать смену династии, и не мне вам объяснять, к какой кровавой междоусобице это приведет. Мы на пороге зимы, начался Пост, нет никакой нужды топить Митрил в крови. Нам придется выбрать одного наиболее достойного из двух недостойных, и хотя этот выбор труден, я полагаю, что он тем не менее очевиден...

– Прекрасная речь, Лорд-дознаватель. В первую очередь своей откровенностью. Отец всегда наиболее ценил в вас именно вашу прямоту.

Лорды-советники обернулись к дверям. У входа в зал стоял принц Яннем, скрестив руки на груди. Угол его рта слегка подергивался – то ли в саркастической усмешке, то ли просто от волнения. Рядом с ним, в точно такой же позе, стоял принц Брайс. Они были одинаково одеты – в черное, еще не успев переоблачиться после прошедшей этим утром церемонии похорон. И, возможно, из-за этого казались едва ли не близнецами. Оба рослые, темноглазые, темноволосые, оба слабо похожие на отца, но неуловимо напоминающие друг друга. Только у Брайса черты были тоньше, мельче, и его уши отличались вытянутой формой – не такие острые, как у эльфов, но и слишком длинные для человека. Он с детства привык стесняться их и старательно прятал под волосами, спадающими на виски. Яннем стриг волосы коротко, чтобы казаться старше, хотя и не слишком в этом преуспел – весь его облик дышал юностью, неопытностью, неуверенностью, которую он безуспешно прятал за надменной улыбкой.

Впрочем, в его словах, прозвучавших весьма твердо, недвусмысленно читался вызов. А удивительнее всего было то, что Яннем вошел сюда рука об руку со своим братом. Хотя они не выглядели так, словно решили держаться вместе – наоборот, сохраняли дистанцию. И одновременно посмотрели на пустующий королевский трон во главе стола.

Ни один из них не сделал движения, чтобы его занять.

– Ваше высочество. – Лорд-дознаватель отвесил церемонный поклон. – Прошу простить, что собрались здесь без вашего ведома. Однако мы сочли, что некоторые вопросы стоит обсудить до того, как обременять ими вас.

– Вы имеете в виду вопрос, кому из нас быть королем? – отрывисто спросил Брайс.

Он тоже заметно нервничал. Внимательный наблюдатель – а большая часть Лордов-советников были весьма внимательны – мог подметить, что Брайс не осознает, до чего они с Яннемом похоже выглядят и держатся. Оба напряжены, но готовы сражаться, оба совершенно не представляют, с чем им придется столкнуться. Не знают ни своих друзей, ни противников. Что они оба знали точно – это то, что королем станет только один из них. А место другого навсегда останется в тени трона... и это в лучшем случае.

– Я полагаю, – вздохнул Лорд-пресвитер, – нам следует проголосовать.

– Вот еще! – вскинулся Лорд-маг. – Вопросы такой важности нельзя решать простым большинством голосов.

– А как их еще прикажете решить? Поединком?

– Отчего бы и не поединком?

– Верно! Магическим!

– Пусть рассудят боги! Какое право мы имеем брать на себя такое решение?

– Хватит!

Последний возглас, гулко разнесшийся под сводами зала, разом обрубил возбужденные голоса лордов. Все замолчали. Во взглядах, обратившихся на Яннема, впервые скользнуло нечто, напоминающее опаску. Ибо голос, бросивший это единственное слово, заставившее умолкнуть пятерых наимогущественнейших мужчин в Митриле, прозвучал очень похоже на голос короля Лотара, которого сегодня запечатали в королевской усыпальнице.

– Милорды, – сказал Яннем; на его виске едва заметно билась жилка, выдававшая то, каких усилий ему стоит говорить спокойно. – Я согласен с тем, что решение принять необходимо. Причем как можно быстрее, ибо каждый час, проведенный Митрилом без короля, грозит нам кровью и смутой. Из этого зала кто-то из нас – я или Брайс – выйдет, облеченный монаршей властью. И поскольку единства между вами в этом, как я вижу, нет, то полагаю, что предложение Лорда-пресвитера о голосовании будет меньшим злом. Потому что драться с моим братом за трон я не стану.

Последние слова он сказал действительно спокойно, как о чем-то давно решенном, не подлежащем сомнению. Лорды-советники переглянулись, а Брайс послал брату странный взгляд.

– Я тоже, – сказал он вполголоса. – Также не стану драться с тобой за трон. Ни на магическом поединке, ни на любом другом.

Яннем выдохнул, и его измученное лицо, носившее явный отпечаток бессонной ночи, впервые просветлело.

– Но это не значит, – сказал Брайс еще тише, но так, что услышали все, – что я так запросто его тебе уступлю.

Улыбка на лице Яннема застыла. Он выждал немного, потом деревянно кивнул. И все находящиеся в зале физически ощутили, как на них потянуло холодом – от этой улыбки и этого кивка.

– Что ж, – прокашлялся лорд Иссилдор. – Тогда давайте не будем дольше затягивать этого чрезвычайно важного решения. Начнем голосовать. Я отдаю свой голос за...

– Прошу прощения, милорды! Одну минуту!

Этот новый голос, прервавший речь Лорда-мага, удивил всех. Потому что никто не знал его обладателя, который внезапно ворвался в зал Совета. Им оказался довольно молодой человек, не старше лет тридцати на вид – самому молодому из Лордов-советников перевалило за пятьдесят, – юркий, ловкий и с невероятно самоуверенной физиономией. Он был разодет богато и даже вычурно, отнюдь не по сдержанной митрильской моде – одно это с первого взгляда выдавало в нем чужеземца. Лорд-защитник инстинктивно подался вперед, словно пытаясь обезопасить короля от возможной угрозы – и все обратили внимание, что шагнул он не к Брайсу, а к Яннему.

– Кто вы такой и по какому праву врываетесь на королевский Совет? Кто вас вообще пустил? – гневно спросил лорд Мелегил.

Незнакомец картинно раскланялся.

– О, низжайше прошу простить. Я так мчался сюда, чтобы успеть на это судьбоносное заседание. Верите ли, загнал трех коней, один из которых был дорсинейским пятилетком, жалко до ужаса! А пустила меня ваша стража, ввиду вот этих бумаг. Прошу.

Он протянул свиток, и лорд Фрамер, стоявший ближе всех к выходу, взял грамоту и развернул.

– Здесь сказано, что податель сего – виконт Эгмонтер из Парвуса, внучатый племянник лорда Бейринга, – прочел он.

– Лорд Бейринг до своей безвременной кончины занимал пост Лорда-хранителя в королевском Совете Митрила, – добавил тот, кто назвался виконтом Эгмонтером, и обаятельно улыбнулся всем и каждому. – Если я верно осведомлен, этот титул имеет майоратный статус и, если только король не решит иначе, может быть передан по наследству.

– Но король... – начал Лорд-казначей, и Лорд-дознатель перебил его:

– В данный момент у нас нет короля. И, если уж на то пошло, нет кворума, чтобы избрать его на законных основаниях. Если мы примем решение только впятером, его легко можно будет опспорить. А мы все представляем, к чему такие споры могут привести.

Присутствующие переглянулись. Этот внезапно выскочивший претендент на шестое кресло в Совете оказался и вправду кстати. Но его никто не знал, а сейчас не такое время, чтобы с легкостью доверяться незнакомцам. Лорды-советники снова медлили. Требовалось ответить виконту согласием или отказом, и никто из них не мог единолично принять такое решение.

И тогда снова заговорил принц Яннем:

– Виконт Эгмонтер, приветствую вас на земле Митрила. Если вы ближайший родич благородного лорда Бейринга, значит, вы часть и нашего народа. Вы явились в тот самый час, когда ваше присутствие необходимо, и уже одним этим оказали нам услугу. С благодарностью принимаем вашу службу. Если, однако, вас не связывает вассальная присяга с другим сюзереном.

– О, никоим образом! – весело отозвался Эгмонтер. Его легкомысленный вид и небрежный тон контрастировали с напряженной серьезностью остальных, но отчасти и снимали гудящее в воздухе напряжение. – Глава моего рода, герцог Эгмонтер, присягал императору Карлиту. Но сам я вассальной клятвой ни с кем не связан, так как, увы, пока не владею собственным доменом. Поэтому для меня будет великой честью служить королю Митрила, ваше... высочество.

Яннем слегка улыбнулся. Протянул руки ладонями вверх. Эгмонтер на миг заколебался – вряд ли он ждал такого быстрого развития событий, – но потом преклонил колени и вложил свои руки в руки принца Яннема, а затем произнес традиционные слова присяги:

– Клянусь, что моя жизнь, воля и мана пребудут на службе короны Митрила, отныне и пока кровь моя не вытечет из жил до последней капли.

– Принимаю твою клятву, клянусь в ответ защищать тебя от твоих врагов и вести тебя в бой с силами Тьмы, во имя Светлых богов, – сказал Яннем и трижды пожал руки Эгмонтера, вложенные в его руки.

И только когда он сделал это, все поняли, что сейчас произошло.

Яннем поднял голову и уже без улыбки посмотрел на членов королевского Совета, которые молча смотрели, как он принимает присягу человека, только что ставшего с ними ровень.

– Милорды, кто-нибудь желает опспорить это назначение? – спросил Яннем.

Лицо лорда Дальгоса, до сих пор непроницаемое, вдруг скривилось в досадливой гримасе. «Не надо было», – сказал он одними губами, но Яннем не заметил этого. Он напряженно ждал возражений.

Возражений не последовало.

– В таком случае назначаю виконта Эгмонтера из Парвуса Лордом-хранителем в королевский Совет. Да будет его служба на благо Митрилу.

– Да будет его служба на благо Митрилу, – повторил нестройный хор голосов.

– Но позвольте! – вдруг встрепенулся Лорд-пресвитер. – Ведь только король может утверждать кандидатуры членов Совета. Как же...

– Мы только что все подтвердили, что принимаем это назначение, – отозвался лорд Дальгос. – Никто не возразил. Вы были против, лорд Мелегил?

– Н-нет, в целом нет, но...

– Если нет, значит, вы также согласились и с тем, что принц Яннем имеет законное право проводить подобные назначения. Это значит, что вы, как и все мы, только что признали за ним право принимать решения, на которые волен лишь король.

– Но мы же еще не голосовали! – в негодовании воскликнул лорд Иссилдор, а лорд Адалозо закусил губу: он уже понял, что их, кажется, только что ловко надули. И кто? Маль-

чишка... Не владеющий магией, неопытный мальчишка, которого они еще недавно отказывались рассматривать как серьезного претендента на трон.

– Мы проголосовали, лорд Иссилдор. По-моему, это очевидно, – сказал Лорд-дознатель.

Оглушительно хлопнула дверь. Все повернулись, но увидели лишь спину принца Брайса, стремительно вышедшего прочь.

Никто, включая Яннема, не успел разглядеть выражения, мелькнувшего в его глазах.

Глава 2

Когда Брайс злился, он всегда убегал. В детстве это было легко. Никто особенно не следил за ним: он был всего лишь младшем из четверых принцев, полукровкой. Грязным полукровкой, как его обозвали сегодня на заседании Совета, и от одного этого воспоминания Брайс сжимал зубы до хруста. Но его положение являлось неоспоримым фактом, который он слишком хорошо сознавал и с которым, в сущности, смирился давным-давно. Отец, пожалуй, любил его – может быть, в память о матери, а может, за то, что из всех сыновей Лотара именно Брайс проявлял наибольшую одаренность к магии и больше прочих любил ею пользоваться. Правда, чаще для баловства, но как еще он мог ее применять? В последнюю войну с орками ему едва стукнуло пятнадцать, и в бой его не пустили. В то лето были еще живы Клайд и Рейнар, и Брайс до сих пор помнил, как горело у него лицо и уши, когда они безжалостно высмеяли его жгучее желание присоединиться к ним и отцу в битве. «Подрасти сперва, щенок», – хохотали они. А когда знамена армии, ведомой старшими митрильскими принцами, скрылись на горизонте, Яннем подошел к Брайсу, сжал его плечо и сказал: «Они просто самодовольные остолопы. Там сам это знаешь». И как ни хотелось Брайсу огрызнуться, он не сделал этого и не сбросил руку Яннема со своего плеча. Потому что Яннем в ту войну тоже остался дома, хотя ему уже исполнилось семнадцать и его место было рядом со старшими братьями и отцом. Но кому он там нужен, на поле боя – не умеющей колдовать, не способный не то что использовать заклинания, но даже поставить и держать вокруг самого себя элементарный защитный барьер? За ним пришлось бы бегать пачке придворных магов, оберегая, как насадки цыпленка. Он стал бы только обузой.

Они оба были изгоями в собственной семье, оба знали это, оба научились с этим жить. И это всегда их роднило.

Но те времена прошли.

Когда Яннем сделал в Совете то, что сделал – принял присягу новоявленного Лорда-хранителя, утвердил его назначение и ни от кого не получил возражений, – Брайс не сразу понял, что именно произошло. Точно так же медленно он среагировал в ущелье, когда заклинание тролльского шамана сбросило отца со скалы. Он не считал себя тугодумом, отнюдь, даже Клайд с Рейнаром не упрекали его в подобном. Просто Яннем всегда соображал быстрее. Он мгновенно приспособивался к любым переменам, чутко улавливал сиюминутные обстоятельства и умел извлекать выгоду из событий. И там, на скале, он раньше Брайса понял, что смерть отца изменит между ними все. Конечно, они и прежде понимали, что этот день рано или поздно придет, но никогда не обсуждали этого вслух. Ведь Лотар был еще далеко не стар, как для королевской особы – помазанные монархи живут долго. А в последний год король, утешившийся наконец после смерти второй жены, присматривал новую супругу... Нет, ни Брайс, ни Яннем никогда не говорили о том, что будет, когда их отца не станет. Яннем, возможно, думал об этом. Но Брайс... Брайс – нет. Ему лишь недавно исполнилось двадцать лет. Жить настоящим было проще.

Поэтому сейчас, когда Яннем так наглядно показал ему, где его место, он отреагировал как мальчишка. Просто сбежал – от этого унижения, от такого стремительного и полного поражения, но главное – от своего гнева. Брайс чувствовал, что если останется, то сделает или скажет нечто такое, о чем впоследствии будет жалеть. Поэтому просто покинул зал Совета, едва не бегом спустился по лестнице, ворвался в конюшню, перепугав конюших, и, грубо отвергнув их услуги, самолично взнуздal коня. И через четверть часа оказался в городе – в шумном, светлом, многолюдном Эльдамаре, где никто не знал его настоящего имени. Где он перестал быть и грязным полукровкой, и наследным принцем, только что потерпевшим поражение.

Здесь, в городе, он был Брианом, сыном одного из многочисленного сонма придворных лордов. И у этого Бриана в городе водилось полно друзей. Они всегда были страшно рады видеть его и упиться с ним в хлам – разумеется, за его счет.

Брайс так спешил убраться из дворца, что забыл переодеться, но его мрачный костюм никого в городе не смутил: многие сегодня облачились в черное. Не то чтобы по королю Лотару очень скорбели, разве что в той мере, в какой народ всегда скорбит по монарху, особенно в отсутствие официально признанного наследника. Однако традиция предписывала всему дворянству облачиться в траур и носить его тем дольше, чем знатнее род. Трактиры, однако, не закрылись: митрильцам оставили возможность помянуть почившего короля, хотя алкогольные напитки во время Поста были строго запрещены. Люди собирались тем вечером в тавернах, чтобы обсудить безвременную кончину монарха, повздыхать, посокрушаться, прикинуть, какое влияние окажет смерть короля на торговлю и не отменят ли на этой неделе ярмарку. Однако слишком явные проявления скорби не приветствовались, как и вообще любые бурные чувства. Народ Митрила, тысячу лет назад построивший в горах город, а затем шаг за шагом отвоевавший у орков обширные земли, примыкающие к хребту с юга и запада, был довольно суров и не растрчивал сил на пустые стенания.

И тем не менее Брайс видел печаль и растерянность на многих лицах, когда ехал тем вечером через город. Он направился сразу в таверну «Два хвоста», где часто коротал вечера. Там собирались его друзья, в основном из купеческого сословия и из мастеровых, но и несколько мелких дворян, не допущенных ко двору, среди них тоже водились. Заводить более родовитых друзей в городе было опасно – Брайса могли узнать. А он для того и удирает из королевского замка от своих забот и печалей, чтобы стать ненадолго Брианом и ни в коем случае не становиться Брайсом. Сегодня он нуждался в этом больше, чем когда-либо прежде.

– А вот и Бриан! Только что тебя вспоминали, – приветствовал его Ройс, поднимаясь навстречу из-за стола. Брайс дружески кивнул ему и еще двум знакомым парням – все трое состояли в гильдии кожевников, крепкие, рослые парни. По сословному положению им не предписывался строгий траур, и они ограничились нарукавными повязками из черного крепа.

– Помер король, надо ж, какое дело, – сокрушенно сказал один из них. Парень выглядел не на шутку подавленным, да и прочие посетители в таверне казались такими же. Гул в воздухе стоял, но непривычно тихий для этого времени суток, не слышалось разудалого стука кружек и пьяного смеха.

– Да уж, никто и не ждал, – вздохнул Ройс. – А от чего помер-то? Говорят, на охоте?

– На охоте, – коротко подтвердил Брайс, садясь с ними рядом. – Его убил тролль.

– Тролль, вона как, – присвистнул Ройс. – Здоровенный, видать?

– Я не видел. Меня там не было.

– А на похоронах был?

– Нет. К церемонии погребения допускаются только наиболее родовитые члены двора.

– Ага. Жаль, что выпить нельзя, – сказал один из кожевников, и другие усиленно закивали.

Брайс оглядел их, чувствуя себя странно. «Я здесь Бриан, – напомнил он себе. – Я должен скорбеть не больше, чем любой из них».

– Выпить нельзя. Пожрать зато можно, – отрывисто сказал он. – Ненавижу Пост, тьма его заberi.

Дерзкая речь, но он находился среди друзей, и те довольно заухмылялись. Никого из них не отличала чрезмерная набожность, однако за несоблюдение ритуалов можно было вылететь из ремесленной гильдии – цеховые мастера боялись вызывать недовольство жрецов и строго следили за тем, чтобы подмастерья чтит традиции. Отчасти это объяснялось близостью жрецеского сословия ко двору и сильной позицией Лорда-пресвитера в Совете. Брайс знал обо всем этом, но, разумеется, не собирался ни с кем делиться своей осведомленностью.

– Хорошо сейчас первый месяц, а не третий. Хоть рыбу можно. Я видел на кухне, хозяин во-от такенную щуку потрошил! – сообщил Ройс и развел руки в стороны, заговорщицки скалясь.

Брайс сглотнул. Он в самом деле чувствовал страшный голод.

– Так пусть тащит ее сюда. Я за все плачу, как обычно.

– Вот это дело! – завопили мастеровые – их уныние как ветром сдуло. Другие посетители тоже стали поглядывать в сторону стола, за которым, похоже, решили устроить пирушку, презрев траур. В некоторых – но только в некоторых – взглядах читалось осуждение. Брайс посмотрел на них с вызовом, и головы опустились. Все же он носил сегодня черное, а это значило, что он дворянин.

Хозяин оценил дерзость клиентов и, радуясь возможности заработать в эти не слишком доходные дни, сбился с ног, таская к столу обильные, хотя и постные блюда. Брайс как раз начал отдавать должное расхваленной щуке, когда в трактир явился еще один его знакомец – Артен, сыродув из оружейного цеха. Заприметив Брайса за ломящимся от яств столом, он тут же рванул туда – да не один, а волоча за компанию двух низкорослых, но очень дюжих бородатых мужиков.

– Эж я вовремя, не все еще сожрали? – радостно гаркнул Артен, и Брайс ухмыльнулся:

– Только начали.

– Да уж вижу, как начали, от щуки-то одна башка осталась!

– Да не ори ты, дубина. Пост. Траур, – сказал Брайс без тени упрека, на что Артен только пожал плечами.

– А и точно, траур. Король же помер. Идите-ка сюда, ребята, – обратился он к бородатым мужикам, и те кое-как втиснулись за стол, заняв на скамьях столько места, сколько хватило бы на четверых.

Брайс, не отрываясь от щуки, пристально всмотрелся в незнакомцев. Выглядели они и впрямь странно, заметно отличаясь от всех, кого ему доводилось видеть прежде. Точно взяли двух дюжих богатырей и приложили кувалдой по головам, расплющив и скукожив в росте вдвое, зато вдвое же увеличив вширь.

– Вы гномы, – внезапно осознал Брайс, и сердце у него в груди громко бухнуло в унисон этим словам.

Он сказал это, пожалуй, чересчур громко. Все за столом замолчали. Гномы переглянулись, ухмыльнулись в бороды одинаковыми усмешками, и один из них ответил:

– Ага. Гномы и есть. Я – Тофур, а этот вот доходяга – Дваин.

– Сам доходяга, – отозвался другой совершенно невозмутимо. – В прошлом месяце на спор только четыре штофа бар-дамара выпить сумел. Позорище на весь Подгорный мир.

Брайс, и не только он, в изумлении переводил глаза с одного на другого. С ума сойти, настоящие гномы! Он никогда не встречал в Митриле существ из иных рас, кроме людей. Не считая, конечно, останков орков и троллей, которые привозили с гор и из долины в качестве трофеев. Но чтобы вот так, живые, всамделишные гномы свободно разгуливали по Митрилу – такого Брайс за свои двадцать лет припомнить не мог.

– Как же вас пропустили через ворота? – вырвалось у него.

Он тут же понял, что не стоило задавать этот вопрос. Гномы напряглись. Артен обменялся с ними беглым взглядом, который Брайсу не понравился – от этого взгляда за лигу несло сговором. Какие Темные силы занесли двоих гномов в столицу Митрила в день похорон короля?

– Король Лотар умер, – негромко сказал гном, назвавшийся Тофуrom – а может, это был Дваин, Брайс плохо их различал.

– Ага, – отозвался Ройс, пялившийся на гномов с таким же недоумением, как и Брайс. – И чего, вы решили, митрильцы сразу же полюбят подгорный народ?

– Ну может, и не сразу, – покладисто признал гном. – Может, и не полюбят. А проверить не повредит.

– Да ладно тебе, Ройс, – вмешался Артен. – Если ты первый раз в жизни видишь гнома, так не все ж в столице такие деревенщины. Гномы и эльфы время от времени приезжают к нам по торговым и ремесленным делам, прямого запрета на это нет.

– Да ну! – поразился Ройс. Брайс, по правде, разделял его изумление.

– Ага. Только въездную пошлину платим. И подушную пошлину. И цеховую пошлину. И пошлину нечистой крови. И хренову кучу еще всяких пошлин, чтоб только пробраться в ваш благословенный город! – заявил Дваин (или это был Тофур?), а его брат (или просто товарищ?) согласно кивнул.

Пошлина нечистой крови. Да, Брайс о таком слышал. Тысячу лет назад Митрил основали люди, изгнав из предгорья кочевые племена орков. Но король Подгорного царства, правивший в то время гномами, попытался оспорить право людей на эту землю. Недалеко от возведенного людьми города залегали старые гномьи шахты, давно заброшенные, – некогда в этой местности проходила митриловая жила, что и дало название хребту, долине, а потом и королевству, которое основали здесь люди. Жила давно истощилась, и гномы отсюда ушли, так что первый человеческий король Митрила не признал притязаний гномов. Разразилась война – в те времена светлые расы еще воевали друг с другом по малейшему поводу, – в которую неосмотрительно ввязались и эльфы, причем на гномьей стороне. Учитывая, что ценных руд в Митриле к тому времени уже почти не осталось, смысла особого в войне не было, она продлилась одно поколение и угасла вместе со смертью тогдашнего гномьего короля. Его преемник поддался на миролюбивые уговоры Светлой владычицы, стремившейся погасить затянувшийся конфликт, и гномы ушли, оставив бесплодную гору людям.

Но хоть война и закончилась, вражда осталась. Память о том, что светлые расы не только не помогли людям в борьбе с орками, но и сами пошли против них, оказалась в митрильцах весьма крепка. Суровый горный климат, нехватка плодородной почвы, необходимость снова и снова отвоевывать предгорье у орочьих орд – все это не способствовало развитию в митрильцах излишнего мягкосердечия. «Кругом враги, а кто не с нами, тот против нас» – вот на какой идее возрастали многие поколения в течение тысячи лет. А гномы и эльфы, со своей стороны, ничего не делали, чтобы исправить положение: их мало волновала жизнь людей в отдаленном горном королевстве. Империя людей, постепенно набиравшая все большую силу, пыталась наладить с Митрилом связи, но короли Митрила негодовали от того, как вольготно ощущали себя в Империи ненавистные гномы и эльфы. «Кто не с нами, тот против нас, друг моего врага – мой враг», – упрямо твердили митрильские короли, а с ними – митрильские жрецы и маги, которым замкнутый образ существования королевства был только на руку: закрытым миром проще управлять. И хотя не существовало прямого запрета на посещение Митрила светлыми расами, горожане пялились на их представителей как на диковину, больше того – диковину враждебную и потенциально опасную.

Так что эти двое гномов, так запросто приехавшие в Митрил, вошедшие в таверну и севшие за один стол с людьми, – отчаянные ребята.

– У вас, гномов, Зимнего Поста нет, – сказал Брайс. – Правда же?

– Правда, – подтвердил Тофур. – У нас другой календарь, да и дань богам по-своему отдаем.

– Значит, у вас наверняка есть с собой выпивка. Этот, как вы его называете... бар-дамар?

Гномы переглянулись. Ройс, Артен и другие мастеровые вытаращились на Брайса. Брайс в упор смотрел на гномов.

Тофур коротко хохотнул. Вынул из сумы плоскую железную флягу. Потряс ею: внутри соблазнительно забулькало.

– Да иди ты, Бриан, – неуверенно сказал Ройс. – Оно-то понятно, бухнуть охота, но ведь Пост, траур, то да се... да и вон, плятятся на нас...

Брайс, не взглянув на него, протянул руку, и гном вложил в нее флягу. Брайс отвинтил крышку, нюхнул – и отшатнулся, когда на него дохнуло таким нестерпимым смрадом, что защищало глаза. Гномы заготовили опять, теперь уже оба.

– Только ты учти, парень, что на вас, людей, бар-дамар действует непредсказуемо. Может замертво с ног свалить, а может, обблюешься весь, смотря на то, крепкое ли у тебя нутро.

– Вот сейчас и проверим, крепкое или нет, – сказал Брайс и поднес флягу к губам.

«Пью за тебя, отец. Не знаю, к каким богам ты ушел, но пусть они примут тебя и облегчат твой путь», – подумал он и отхлебнул из фляги.

Тофур – или Дваин – не соврал. Расплавленный свинец, сдобренный кислотой виверны и троллями соплями, был бы куда более приятным и бодрящим пойлом. Брайс затаил дыхание и, быстро сунув левую руку под стол, тайком свернул защитный аркан, оберегая внутренности. Ему казалось, что в желудке у него ворочается чей-то чугунный кулак. Прошло бесконечно много времени, прежде чем буря улеглась, и Брайс, с трудом удерживая рвотные позывы, мужественно выпрямился за столом.

Теперь уже гномы тарасились на него во все глаза.

– Ты глянь! – воскликнул Дваин. – Да я до самого Солнцестояния про это всем рассказывать буду. Никогда не видел, чтоб человек так бар-дамар хлебал!

– А я и не...

Брайс едва не сказал: «А я и не человек. Только наполовину». Совершенно не подумав о том, чем это может закончиться. Ядреное гномье пойло ударило ему в голову, и в долю секунды Брайс опьянел так, как не пьянел ни разу в жизни. От глупейшего саморазоблачения его спасла случайность. Брайс увидел упавшую на него тень, а когда обернулся, то перед ним стояли четверо... нет, пятеро мужчин, еще недавно сидевших в противоположном углу таверны. Все они были одеты в черное с головы до пят – полный траур по королю, что означало благородное происхождение. Брайс окинул взглядом их лица: слава богам, знакомых нет. И все же он подобрался и поднялся на ноги, надеясь, что его не шатает из стороны в сторону.

– Милорды, – поприветствовал он пятерых мужчин, в холодном молчании глядящих на него. – У вас ко мне какое-то дело?

– Как ты смеешь, – проговорил один из дворян размеренным, почти певучим голосом, – как смеешь в день похорон нашего славного короля сидеть с простолоудинами, хуже того – с грязной кровью, и пить с ними их грязное пойло, нарушая священный Пост?

Брайс мгновенно протрезвел. И расцвел. Он понял, что будет драка, еще когда только заприметил этих пятерых – они сидели в углу тихо и ничего не ели, у них было горе, и чужое легкомыслие в такой день они сочли за личное оскорбление. «Умер мой отец, но горе у них. Кто я после этого?» – подумал Брайс, но не позволил и этой мысли увести его слишком далеко. Он имел право ответить этим людям, куда большее право, чем они могли помыслить.

И он им ответил.

– Да, милорды, король умер. Но теперь у нас новый король. Его имя Яннем. Впервые за тысячу лет на трон Митрила взойдет человек, не владеющий магией. И не значит ли это, что старый мир сегодня рухнул, милорды? Не значит ли, что с этого дня многое может измениться? В том числе вековые законы и предрассудки. А за это, я считаю, стоит выпить!

Его слова произвели эффект разорвавшегося фаербола. Все в таверне – а Брайс нарочно сказал так, чтобы его голос донесся в каждый угол, – замерли, ошеломленные услышанным. И верно: весть о том, что Совет признал Яннема монархом, еще не успела распространиться. Ее принес Брайс. Он лично сообщил всем о своем проигрыше и позоре.

«Ну же. Вперед, дайте мне повод!» – мысленно крикнул он, мечтая только о том, чтобы сорваться и дать выход скопившейся ярости.

Боги, Светлые или Темные, услышали его мольбу.

– Если так, то это к добру, – тяжело роняя слова, сказал дворянин. – Потому что уж лучше пусть нами правит король, неспособный к магии, чем эльфийский ублюдок-полукровка, который, глядишь, напустил бы в Митрил вот такой вот швали!

И он обвиняюще ткнул пальцем в притихших гномов.

Брайс улыбнулся. Те, кто видел эту улыбку, запомнили ее – и долго вспоминали потом, когда ком покатылся. Но пока это был не ком, а лишь первый, мелкий камешек в нем. Пылинка, рождающая бурю.

Брайс вскинул руки, сплел аркан и выстрелил в дворянина магией.

Рука, обвиняюще выпрямленная в сторону гномов, хрустнула и переломилась, как сухая ветка.

Дворянин пронзительно вскрикнул и отшатнулся. Он не ждал нападения, тем более магического: применение магии в пьяных драках запрещалось и каралось строже, чем драки с использованием оружия. Мастерские тут же вскочили со скамей и хлынули в стороны, кто-то прижался к стенам, кто-то и вовсе выбежал на улицу, призывая стражу. Дворянин со сломанной рукой выпрямился и посмотрел на Брайса. В его глазах боль и ненависть мешались с недоверием.

– Так ты этого хочешь? Этого? Ты, щенок... – прохрипел он и выбросил вперед здоровую руку, послав могучую ударную волну.

Все-таки он должен быть из придворных, странно, что Брайс его раньше не видел – эта мысль мелькнула в голове, пока он летел к стене, отброшенный ударом такой силы, что стены таверны содрогнулись и вниз посыпалась штукатурка. Это было одной из причин, по которой магические поединки в городе находились под запретом: во время подобных драк часто ломались вещи и рушились здания. Особенно когда знатные господа выбирались из королевского замка побалагурить.

– Милорды, смилуйтесь! – заверещал трактирщик. – Пожалейте мое несчастное заведение! Стража! Стра...

Брайс не глядя метнул в него заклинание, залепляющее рот. Трактирщик подавился воплем на полуслове и обиженно выпучил глаза. Брайс поднялся на ноги, отряхнул ладонью с волос крошки штукатурки. И ощутил жжение в глазницах – явный сигнал готовящейся атаки. На сей раз он был готов и с легкостью отразил удар, исходивший не от того дворянина, который послал предыдущую волну, а от одного из его друзей. Пятеро дворян наступали, причем четверо из них концентрировались для общего удара – видать, привыкли биться в связке. Наверняка они бывали на войне, мелькнуло у Брайса. Сражались с орками под началом моего отца. Потому и колдуют так слаженно. Пятеро на одного. Смелчаки.

Он коротко вздохнул, закрывая глаза, чтобы не видеть отвлекающие его телесные оболочки противников и целиком сосредоточиться на их аурах, смутно колышущихся на черном фоне опущенных век. Одна аура горела совсем слабо, Брайс послал в нее легкий удар – не удар даже, укол, связывая магическую силу врага и лишая его воли. Четверо оставшихся были хуже: они уже успели сплестись в единый магический потенциал и готовились ударить сообща. «Не одолею, – мелькнуло у Брайса. – Хотя...» Что ему терять? Сегодня он потерял отца и надежду стать кем-то большим, чем грязный ублюдок-полукровка. Ниже падать некуда.

Он вобрал в кулак всю свою ману и ударил – сразу всех четверых, сплетшихся в плотную сеть, готовую вот-вот наброситься на него.

В последний миг он открыл глаза и успел заметить вспышку сине-белого пламени, стеной идущую на пятерых дворян. Это пламя не опаляло, оно было холодным и колючим, как метель, и его прикосновение прошло по коже словно наждаком, не причинив, однако, никакого вреда мебели и стенам. «Заклятие против живой плоти. Как я не подумал...» Но подумать он не

успел ни о чем, потому что эта синя-белая стена, враз сбившая с ног пятерых дворян и начисто осушившая их общий магический заряд, исходила не от него.

Она исходила от кого-то другого, кто стоял у Брайса за плечом и нанес удар, по своей мощи перекрывший и заглушивший удар Брайса.

«Какого хрена я постоянно оказываюсь вторым!» – в ярости подумал Брайс и едва не ударил заклятием своего неожиданного и, главное, незваного союзника. И замер, увидев, кем был этот союзник.

А был он виконтом Эгмонтером. Чужеземцем, который два часа назад ворвался на королевский Совет и, осознано или нет, помог Яннему лишить Брайса всех прав на трон.

– Тише, тише, молодые люди, – сказал Эгмонтер, оправляя кружевные манжеты. Куча сваленных копошащихся тел, в которую превратились его противники, что-то невнятно простонала в ответ. – Зря вы так разбушевались. Траур все-таки. И Пост. Надо бы поскромнее, милорды, самую малость поскромнее... Друг мой, я вас искал. Ваш отец настаивает, чтобы вы немедленно вернулись в замок. Что мне ему передать?

Отец Брайса? Ах, да. Он ведь – не Брайс. Отец юного придворного по имени Бриан разгневан, что его непутевый сын удрал в город кутить в день похорон короля. Все верно...

Брайс бросил виноватый взгляд на трактирщика и, вывернув карманы, высыпал все имевшееся в них золото на стол. И только тогда метнул заклинание, вернув бедолаге способность говорить.

– Позже увидимся, парни, – сказал он своим друзьям и гномам, которые все это время стояли у стен неподвижно, подальше от магической потасовки. И попытался улыбнуться как можно небрежнее, выходя из таверны следом за Эгмонтером.

Улица оказалась пустынная, стража, к счастью, прибыть еще не успела. Брайс сгреб Эгмонтера за плечо и встряхнул с такой силой, что новоявленного Лорда-хранителя мотнуло на месте как котенка.

– Я бы справился с ними и сам! – прошипел Брайс, и Эгмонтер сухо ответил:

– Разумеется, мой принц. И этим бы сразу выдали, насколько мощной владеете силой. Один одолел пятерых. Немного слишком для не особенно знатного дворянчика из королевской свиты. Это бы запомнили. А потом соотнесли с вашими весьма опрометчивыми речами.

– И что?! Я теперь не младший сын короля. Я его брат! Это кое-что меняет!

– Да, меняет. И вы, мой принц, еще не понимаете, насколько много.

Брайс остановился. Выдохнул, давая ярости улечься. И посмотрел на виконта Эгмонтера. В первый раз как следует посмотрел.

– Кто вы такой, Темные боги вас заберут?

– Вряд ли они меня заберут, – улыбнулся Лорд-хранитель. – Они меня к вам послали.

Глава 3

Стремительный уход Брайса из зала Совета привел Яннема в бешенство. Ему стоило огромного, почти непосильного труда скрыть это бешенство, потому что на него смотрели шесть человек, которых он только что заставил признать себя королем, да так, что они сами это поняли, лишь когда уже стало поздно. Яннем не признался бы в этом ни одной живой душе, но ничего подобного он не планировал, это была чистой воды импровизация. И уж точно у него не хватило времени подумать, как на это отреагирует его брат, которого он, в сущности, только что пинком отшвырнул от трона как щенка.

«Подрасти сперва, щенок», – говорили Брайсу Клайд с Рейнаром. Яннем всегда негодовал из-за этих грубых насмешек. И вот прошло всего несколько лет, и он стал таким же, как они.

Но разве у него оставался выбор?

Он занял тронное место за столом и, сидя на нем, поочередно принял присягу от пятерых Лордов-советников, принесших ее безропотно, хотя и не без скрытого недовольства. Яннем остро чувствовал это недовольство в каждом из них – по тому, как они сжимали его руки во время ритуала оммажа. Рукопожатие Лорда-защитника оказалось могучим и твердым, Лорда-дознавателя – мягким и вкрадчивым. Остальные пожимали его руки вяло и осторожно, без малейшей искренности. Но Яннему не нужна была их искренность. Ему нужна была их присяга. Для начала он готов довольствоваться и этим.

Затем порешили, что обряд коронации следует провести как можно быстрее, чтобы загасить зарождающееся в Митриле недовольство. Страна без короля – сирота, брошенная на растерзание волкам. Правда, раньше коронации никогда не проводились в Пост, но Лорд-пресвитер, на правах Верховного жреца, тут же дал свое позволение на это небольшое нарушение традиций. «Боги поймут», – сказал он, улыбаясь Яннему благосклонно, даже милостиво. И хотя в этой улыбке, как и в самом разрешении, недвусмысленно читалась его симпатия к молодому монарху, Яннему не понравилась эта улыбка. Уж слишком она была снисходительной.

«Тоже считаешь меня щенком и думаешь, что мне надо бы еще подрасти?» – подумал он, и гнев, вызванный уходом Брайса, разгорелся с новой силой. Яннем грубо оборвал Лорда-пресвитера на полуслове и объявил, что на сегодня Совет окончен. Советники, пятясь к дверям задом, по одному разошлись.

Когда дверь за последним из них закрылась, Яннем глубоко вздохнул и сжал подлокотники трона с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Он посмотрел на свои руки, стискивающие резные волчьи головы, венчавшие подлокотники. Еще совсем недавно на этих подлокотниках лежали руки его отца, и казалось, что так будет всегда. Яннем никогда не думал, что этот день настанет. Он знал, что Лотар не смог бы назначить своим наследником Брайса, во всяком случае, тянул бы с этим до последнего – слишком он чтит вековые традиции, слишком хорошо понимал, какую реакцию может вызвать у митрильцев наследник-полуэльф. Но, несмотря на это, еще в меньшей степени Лотар рассматривал в подобном качестве Яннема. Из всех четверых детей именно Яннем был самым нелюбимым, самым отверженным. Мало того, что калека, так еще и убийца собственной матери. Не то чтобы Лотар очень уж любил Кламиллу, но если бы она не умерла, могла бы родить ему еще сыновей. Нормальных сыновей. Достойных своего отца.

«И вот ты в могиле, отец, а я здесь. И каково тебе теперь смотреть на меня из чертогов Светлых богов? О чем ты думаешь, видя меня на твоём троне? Благословляешь или проклинаешь? Хотел бы я знать». Яннем невольно поднял голову вверх, словно и впрямь мог увидеть отца, смотрящего на него с небес – с одобрением или осуждением, кто знает. Потом трях-

нул головой, с усилием заставил себя разжать пальцы, судорожно стиснувшие подлокотники, и поднялся на ноги.

Он страшно устал. Ужасно. Ночное бдение у гроба, похороны, потом Совет – это выжало из него все соки. Ему нужно отдохнуть и забыться. Немедленно.

Он вышел из зала Совета и двинулся по коридорам к выходу из дворца.

Но пройти смог только до первого охраняемого проема. Пики двух стражников, стоящих по обе стороны двери, сомкнулись крест-накрест перед его лицом. Яннем споткнулся от неожиданности и оторопело уставился на их неподвижные лица.

– Да как вы... смеете? – только и смог сказать он.

– Это мой приказ, ваше высочество. Прошу простить.

Непримиримый голос лорда Фрамера заставил Яннема резко обернуться. Лорд-защитник стоял неподалеку, слегка наклонившись вперед и прижав правую руку к сердцу – поза почтительная и покорная, но идущая вразрез с твердым, суровым взглядом.

– Высочество? – отрывисто переспросил Яннем. – Вы не оговорились, лорд Фрамер?

– Пока что нет, мой принц. Вы станете королем, это вопрос решенный, но это случится только через несколько дней. Однако я взял на себя смелость немедленно окружить вашу особу всеми мерами безопасности, приличествующими вашему новому положению.

Яннем внимательно посмотрел на Фрамера. Это был старый, суровый воин, с иссеченными шрамами лицом, прошедший множество битв. В юности он блистал на турнирах и так и ушел на покой непобежденным. Отец высоко ценил его и решительно пресекал любые интриги, направленные против Лорда-защитника. В один из редких вечеров откровенности Клайд, бывший тогда официальным наследником Лотара, признался Яннему, что, когда сам станет королем, из всех Лордов-советников оставит на прежнем месте только Фрамера. А остальных погонит взашей. «Погонишь? Почему не казнишь?» – подумал тогда Яннем, но вслух, конечно, ничего не сказал. Он рано понял, когда стоит придержать язык за зубами. Принцы-изгои быстро постигают эту науку.

– Лорд Фрамер, – проговорил Яннем, глядя в выцветшие, но по-прежнему жесткие глаза старого воина. – Я высоко ценю вашу преданность и ваше рвение. Но не припомню, чтобы моему отцу когда-либо запрещалось передвигаться в пределах собственного дворца. Теперь это мой дворец.

– Безусловно, мой принц. Но вы ведь собрались его покинуть, я верно понял ваши намерения?

А вот пронцательности Яннем от Фрамера не ожидал. И растерялся – в первый раз за этот бесконечный день.

– Разве я не могу выйти из замка? – беспомощно спросил он, и от того, как по-детски это прозвучало – словно малое дитя просится у отца на ярмарку, – его вновь обуял гнев. Он повысил голос, не пытаясь больше этот гнев сдерживать: – Я что, должен теперь согласовывать с вами каждый свой шаг и с вашего соизволения отпрашиваться в бордель?!

– Именно так, мой принц, – отчеканил Фрамер. – Если вам угодно наведаться в бордель, я выделю отряд телохранителей, которые вас туда проводят. Но намного предпочтительнее доставить женщину сюда. Любую женщину по вашему выбору, мой принц.

Яннем заморгал. Эта предупредительная услужливость в сочетании с бескомпромиссным запретом обескуражила его. Это было не то, совершенно не то, чего он ждал от статуса официального наследника трона.

Он повернулся к стражам, все так же молча скрещивающим пики, и сказал тихим, угрожающим голосом:

– Пропустите меня. Это приказ.

Стражи не шелохнулись. Яннем почувствовал, как на его щеках разгорается пламя. Только бы не сорваться. Светлые боги, дайте сил, только бы не...

– Это приказ вашего короля! – закричал он, и из-за спины его прошелестело:

– Пока что не короля, здесь лорд Фрамер прав, ваше высочество. А если будете так поступать, то никогда королем и не станете.

Это было сказано неестественно тихо, свистящим шепотом, в котором едва можно было различить слова. Яннем не слышал, как Дальгос, Лорд-дознаватель, оказался к нему так близко. Ему никогда не нравился Дальгос. Скользкие взгляды, слащавые улыбки, бесшумная походка и редкостная способность говорить так, что услышать мог только один человек – тот, к кому он обращался, как бы далеко они друг от друга ни стояли. Последнее, разумеется, объяснялось действием магии, которой Лорд-дознаватель, как и любой знатный дворянин, владел вполне неплохо.

Сейчас Дальгос стоял на другом конце зала, в дверном проеме, из которого недавно вышел Яннем. И глядел на своего будущего монарха ележно, ласково и в то же время с явно читающимся предупреждением. Яннем метнул в лорда Фрамера уничтожающий взгляд, встреченный Лордом-защитником с невозмутимостью крепостной стены, в которую запустили речным камешком.

– Вы свободны, Лорд-защитник, – сказал Яннем и, не дожидаясь ответного поклона, зашагал к лорду Дальгосу – туда, откуда только что пришел, прочь от дверей, отныне запертых для него.

Этот бой он, видимо, проиграл. Не все бои можно выиграть.

В сопровождении лорда Дальгоса Яннем вернулся в зал Совета. Вновь сел на тронное кресло, с которого поднялся совсем недавно с таким трудом.

– Ну, – сухо сказал он, глядя на Лорда-дознавателя. – Я вас слушаю.

Лорд Дальгос обернулся по сторонам. Сделал руками несколько быстрых пассов – почти незаметных, но Яннем наблюдал за ними в бессилии, как всегда, когда на его глазах творили магию. Это всякий раз болезненно напоминало ему о том, к чему он, по воле богов, навек не способен. И главный королевский шпион прекрасно об этом знал.

– Что вы делаете? – спросил Яннем все так же резко, не скрывая неприязни.

– Усиливаю охранное заклинание, защищающее от прослушки, – пояснил Лорд-дознаватель. – Теперь нас точно не услышит никто, кроме разве что Лорда-мага – против него я, увы, не силен. Но, полагаю, сейчас он не узнает здесь ничего такого, что ему неизвестно.

– Вы ему не доверяете?

– Разумеется, нет. Ведь он открыто поддержал вашего брата. А я поддерживаю вас.

– Лорд Иссилдор присягнул мне, как и вы. Как и все члены Совета.

– О, мой принц, – тяжело вздохнул Лорд-дознаватель. – Вы еще очень молоды. И не понимаете, как мало значит присяга, особенно данная по принуждению.

– Я никого не принуждал.

– Нет, непрямо, но вы их обманули. Весьма ловко, хотя, справедливости ради, в этом больше не вашей личной заслуги, а удачного стечения обстоятельств. Этот имперский выскочка, виконт Эгмонтер, появился очень кстати и спутал Иссилдору все карты. Будь у сторонников вашего брата больше времени... К слову сказать, вы и сами едва все не испортили, когда спросили, нет ли возражений у членов Совета против вашего выдвиженца. Если бы Иссилдор шевелил мозгами чуть побыстрее, сейчас все обстояло бы совсем иначе.

– Вы как будто отчитываете меня, лорд Дальгос. Не припомню, чтобы назначал вас на должность моего наставника.

Лорд Дальгос какое-то время молчал, поглаживая длинными пальцами аккуратную, окладистую бородку. Потом проговорил:

– Вы выбрали вполне подходящее слово, мой принц. Кому-то придется быть вашим наставником. Если вы хотите дожить до коронации, разумеется.

Яннем поднялся с трона. Отошел от него на несколько шагов, к окну, и остановился. Отсюда была видна только крепостная стена – словно стена тюрьмы, вдруг подумал он. В которую он заключил себя добровольно, более того – рвался в нее всей душой, отталкивая локтями единственного брата. Единственного из всей семьи, кто хоть когда-то был ему близок. И ради чего?

– Вы думаете, Брайс попытается меня убить?

– Я в этом совершенно уверен, – кивнул лорд Дальгос, а когда Яннем вздрогнул, пояснил: – Хотя сам он, вероятно, сейчас и в мыслях не держит ничего подобного. Но очень быстро найдутся люди, которые внушат ему эту идею и убедят в ее необходимости.

– Верховный маг?

– В первую очередь он, но также и Лорд-казначей. И, возможно, новый Лорд-хранитель. Я мало о нем знаю. Этот молодой виконт Эгмонтер – довольно талантливый маг, и недавно мне доносили, что он собирается предъявить права на титул Лорда-хранителя по майоратному праву. Но я не думал, что это произойдет в настолько подходящий момент... слишком подходящий.

– Значит, кругом меня враги, – сказал Яннем с нервным смешком. – А вы и лорд Фрамер – мои единственные друзья.

– Еще Лорд-пресвитер, во всяком случае, он не пойдет против вас открыто, если только чаша весов не качнется в сторону вашего соперника. Впрочем, предпочтительнее иметь несколько явных оппонентов, чем теряться в догадках, кто прячет под розами отравленный нож.

– Да вы поэт, лорд Дальгос. Не ожидал, что они попадают среди шпионов.

Яннем намеренно сказал это с вызовом. Он хотел быть грубым, хотел оскорбить. Лорд Дальгос лишь покачал головой, оставив этот мальчишеский – Яннем сам понимал, что мальчишеский, – выпад без ответа.

– Государи воспринимают мир посредством шпионов, мой принц. Как вы уже могли убедиться, правитель не может просто выйти из своей крепости и отправиться в таверну или в бордель или побродить по улицам, послушать, что говорит о нем народ.

– Мой отец иногда это делал.

– Ваш отец был могучим магом, не в обиду вам будет сказано. Его всегда охранял барьер Эстебана. И, кроме того, эскорт из лучших людей Фрамера. Однажды и вы совершите такую прогулку, если пожелаете. Но не сегодня. Не накануне коронации, когда в городе еще даже не объявлено о том, что корону Митрила наследуете именно вы.

– Я не готов, – вырвалось у Яннема. Он не собирался говорить это вслух, не хотел показать слабость. Но полное осознание всех событий и последствий этого длинного дня навалилось на него непосильной ношей. – Дальгос, я не готов. Вы же знаете, отец никогда не рассматривал меня как своего наследника. Я даже ни разу не бывал на заседаниях Совета до этого дня. Мне всю мою жизнь вдалбливали, что мое место в тени, мое и Брайса... что мы никто и всегда будем никем... и теперь...

Он умолк, не в силах выразить словами все, что его обуревало. Лорд Дальгос сочувственно кивнул.

– Я знаю, мой принц, все это знаю. Именно поэтому вам так важно сразу же определиться с союзниками и врагами. Ваше положение пока слишком непрочное, вы не можете позволить себе ни малейшую слабость. Ею немедленно воспользуются, чтобы вас уничтожить.

– Вы же сами сказали, что оммаж – пустой звук. Как я могу вам верить?

– Не можете, мой принц. Но подумайте вот о чем. Я единственный из Лордов-советников понял вашу игру, когда вы назначили Эгмонтера на вакантное место. И если бы я был вашим врагом, то непременно использовал бы ошибку, которую вы допустили, когда спросили, нет ли

у нас возражений. Не сделав этого, я позволил вам в единый миг несказанно упрочить ваши позиции. Зачем бы я стал это делать, если бы был сторонником принца Брайса?

– Возможно, вы и не сторонник Брайса, – тихо сказал Яннем. – Но это не значит, что вы непременно мой сторонник. Просто сейчас я для вас удобнее, чем он. Смена королевской династии приведет к войне, пусть даже быстрой, но войне. А на пороге зимы ее не захочет никто...

Лорд Дальгос смотрел на него какое-то время. Прямым, немигающим взглядом. У него почти не было ресниц, и это придавало его глазам нечто совиное.

– Я не ошибся в вас, – произнес он наконец. – Знал, что не ошибся, но всегда приятно получить подтверждение своей правоты. Вы подаете надежды. Но еще очень неопытны. И я помогу вам. Если позволите... сир.

«Сир». Так обращаются только к коронованному монарху. Грубая лесть, простая уловка, но Яннем сделал вид, будто купился на нее. В конце концов, Дальгос прав в одном: ему нужны союзники, пусть бы и временные. И глава службы шпионов – далеко не худший кандидат на эту роль.

– Итак, – сказал Дальгос после молчания, довольно долгого, но уже не такого напряженного. – Ваше величество позволит дать вам первый совет?

– Говорите.

– Сейчас, в том коридоре, вы дали волю гневу. Подозреваю, лишь отчасти он был направлен на лорда Фрамера – вы и так натерпелись сегодня достаточно унижений от Лордов-советников, и вас огорчил уход вашего брата. Это можно понять, но, сир, гнев – наизлейший враг королей. Ни одно разумное решение за всю историю мира не было принято в гневе. Научитесь управлять вашими чувствами. Но в то же время помните, что другие люди будут постоянно выходить из себя. Более того, сам факт вашей коронации разозлит очень и очень многих. И это прекрасная возможность обратить слабость ваших противников против них самих. Гневающийся всегда проиграет, пусть и не сразу. Невозмутимый всегда получит перевес, потому что на его стороне будет время. Играйте на естественных слабостях людей, но забудьте о собственных слабостях. Вам больше не дозволено иметь их, сир.

Яннем закусил губу. Потом вздохнул.

– Мне надо это переварить, – признался он, и лорд Дальгос понимающе склонил голову – уже без раздражающего покровительства, как прежде.

– Само собой, сир. Сейчас вам следует как следует отдохнуть и расслабиться. Ваш новый Лорд-хранитель куда-то запропастился, но я уже распорядился, чтобы в ваших покоях приготовили горячую ванну и подали ужин.

– В моих покоях? – переспросил Яннем, заранее зная ответ.

– В королевских покоях, сир. А также, – добавил Дальгос, – вас встретит там особа, которую, полагаю, вы будете рады видеть.

Яннем чуть не застонал. Он никого не хотел сейчас видеть, он просто хотел ткнуться головой в подушку и вырубиться до утра. Но лишь кивнул и, отпустив Лорда-дознателя, позволил Лорду-защитнику сопроводить его в королевские покои.

И там, в огромных апартаментах, куда еще недавно ход ему был заказан, Яннема действительно ждала роскошная постель, мраморная ванна, наполненная розовой водой, накрытые золотыми крышками блюда на столе... и Серена.

Серена. Куртизанка из Эльдамара, его любовница. Та самая женщина, к которой он намеревался пойти, когда лорд Фрамер остановил его, не позволив покинуть дворец. Короли не пробираются в развратные гнездышки своих любовниц тайком, под покровом ночи. Королям достаточно лишь захотеть – и любая женщина будет доставлена ко двору в мгновение ока.

«Дальгос знал о нас с ней, – подумал Яннем. – И нарочно... Да ну его к Темным богам. Все завтра».

– Приветствую, ваше высочество, – сказала Серена, улыбаясь чарующей, растапливающей сердце улыбкой, от которой Яннем забывал все на свете. Она уже наполовину разделась, лишь прозрачный пеньюар из газовой ткани, легкой, как паутинка, прикрывал ее волнующую наготу. Серена присела в глубоком придворном реверансе, чопорно подобрав несуществующие юбки, и в ее глубоких синих глазах мелькнуло лукавство. То самое лукавство, которое Яннем любил в ней еще сильнее, чем ее улыбку.

Он заключил Серену в объятия, подхватил на руки и бросил на бескрайнее королевское ложе, где еще этим утром лежало мертвое тело его отца.

Глава 4

– Эх, хор-рошо. Это голубое астарийское с виноградников в Парвусе. Прямиком из погребов герцога Эгмонтера. Не желаете?

Брайс покачал головой. Они с виконтом Эгмонтером сидели в тесной комнатке захудалой гостиницы, прилепившейся к крепостной стене. Здесь останавливался всякий сброд: торговцы-старьевщики, крестьяне из окрестных деревень, привезшие на рынок товар, мелкие контрабандисты. Отдельная комната была всего одна, такая низкая, что Брайс все время задевал головой потолочную балку. Пустое окно, без стекла или хотя бы слюды, прикрывала пара криво приколоченных досок, кое-как защищавших от сквозняка. Прямо под окном протяжно, безостановочно и очень скорбно бляела коза.

Именно это место Эгмонтер считал наиболее подходящим для беседы митрильского принца и Лорда-хранителя королевского Совета. И оказался абсолютно прав. За ними тянулся «хвост», Брайс и сам это почувствовал. В бравой когорте Лорда-дознателя не нашлось ни одного шпиона, чьи магические способности могли сравниться со способностями Брайса, и он за сто шагов ощущал их присутствие так, словно они дышали ему в затылок. Но когда он попытался сбросить слежку, Эгмонтер мягко остановил его. И сделал все сам. До гостиницы они добрались никем не замеченные и так же незаметно поднялись в единственную отдельную комнатку, которую Эгмонтер тут же окутал защитным коконом. Хозяин таверны, коль кто его спросит, чистосердечно ответит, что верхнюю комнату тем вечером сняли две пожилые дамы.

Покончив с предосторожностями, Эгмонтер извлек небольшую бутылку с вином и любезно предложил Брайсу выпить. Брайс спрашивал себя, почему доверяет ему. Почему позволил вмешаться в драку с дворянами в «Двух хвостах», почему пошел с виконтом сейчас. В этом человеке совершенно ничего не располагало к доверию. У него было довольно привлекательное, энергичное, но слишком хитрое лицо, напоминающее морду лисы, забравшейся в курятник. И Брайс понимал, что роль курицы здесь, по всей видимости, отведена ему. Тем не менее он был... заинтригован? Пожалуй, да, это самое подходящее слово. Да и что ему терять? После этого дня – почти нечего.

Но от вина Брайс все-таки отказался. Он уже помянул своего отца, выпив гномьего бардамара. Ни к чему снова оскорблять богов.

А кроме того, кто знает, что там может быть подсыпано в это вино...

– Вы, я вижу, не слишком чтите религиозные традиции, – сказал Брайс, глядя, как Эгмонтер с видимым удовольствием смакует расхваленный им напиток.

Эгмонтер оторвался от бутылки, деликатно утер губы платком и усмехнулся:

– До Светлых богов мне нет никакого дела. В сущности, любой здравомыслящий человек, обладающий силой, подобной моей или вашей, рано или поздно понимает, что значимость Светлых богов сильно преувеличена.

– Так вы адепт Тьмы? – спросил Брайс резче, чем собирался. Его рука под столом невольно сложилась в защитный аркан, готовясь нанести упреждающий удар.

– Нет, – ответил Эгмонтер, с удивлением взглянув на него. Аркан Брайса он или не заметил, или предпочел сделать вид, что не заметил. – С чего вы взяли?

– Вы сами сказали, что вас ко мне послали Темные боги. Там, в таверне.

– О, – рассмеялся виконт. – Это была всего лишь метафора. Так сказать, фигура речи. По правде, я склонен к некоторой доле, м-м... театральности в ряде своих поступков и действий. Нижайше молю, чтобы мой принц меня за это простил.

Брайс молча разглядывал его, настороженно прищутив глаза. Эгмонтер со стуком поставил бутылку голубого вина на стол и слегка наклонился вперед.

– Вы можете доверять мне. Я прибыл сюда затем, чтобы оказать вам всяческую поддержку. И не только от имени Эгмонтера.

– А от чьего еще? И откуда вы прознали, что мой отец умер? Это случилось всего три дня назад. Как весть могла дойти так быстро и как вы успели добраться?

– Ну, я уже говорил, что загнал трех лошадей. А о смерти вашего отца мне стало известно в тот самый миг, когда она случилась. Видите ли, у меня есть некоторые способы узнавать о событиях, происходящих в определенных местах.

Брайс оценил значимость этого заявления. Возможность мгновенно получать и передавать информацию критически важна во время войн. Узнать, что происходит на другом конце поля брани, на оставленном фронте, в ослабленном форпосте – это бесценное преимущество. Брайс много думал об этом, как и о других аспектах военного дела. Отец не брал его с собой на войну, но никто не мог запретить Брайсу думать о войне и мечтать однажды возглавить войско митрильцев, несущееся против орочьей орды.

Он с усилием заставил себя отвлечься от этой заманчивой картины и переключиться на другие, более важные в данный момент вопросы.

– Вы сказали, что оказать мне поддержку готов кто-то еще. Кто именно?

– Это будет зависеть от многого, мой принц. В частности, от ваших политических взглядов и устремлений. И амбиций... Вы хотите стать королем?

Вопрос был поставлен настолько в лоб, что Брайс даже слегка отпрянул. Мгновенно оценил вероятность того, что перед ним – умелый провокатор, и тут же решил, что это не важно. Яннем прекрасно знает о том, чего хочет его младший брат. Они могут стать врагами, но врать ему о своих намерениях Брайс не будет никогда. Хотя бы в память о том, что было.

– Хочу, – отрывисто сказал он. – Разумеется, хочу! Но этому не бывать после сегодняшнего представления в Совете. Которому, кстати, вы лично поспособствовали.

– Невольно, мой принц, уверяю вас. Это было досадное стечение обстоятельств. Тем не менее согласитесь, что для вас выгодно иметь в Совете на одного сторонника больше. Я пока не успел разобраться в ситуации, но уверен, что на вашей стороне Лорд-маг, а возможно, и кто-то еще. Далеко не все потеряно для вас, мой принц. Далеко не все.

– Моего брата коронуют со дня на день.

– Возможно. Все возможно. Но мало надеть корону. Надо еще суметь удержать ее на голове.

– Если вы о мятеже, Эгмонтер, то я на это не пойду. Я сказал на Совете и готов повторить сотню раз: я не буду воевать с моим братом.

– Я вас об этом и не прошу, – сказал Эгмонтер мягко. – Но что вы скажете, если весь народ Митрила придет к вам, падет в ноги и попросит принять корону? Как вы поступите тогда?

– Народ Митрила поднесет мне корону? Мне? Полукровке? – Брайс рассмеялся, но сразу оборвал смех, поняв, сколько обиды и горечи в нем звучит.

– В этом ваша ошибка, мой принц. Вы думаете о себе прежде всего как о полукровке. Что неудивительно, учитывая многовековой шовинизм вашего надменного... я хотел сказать, гордого народа. Но в настоящее время куда разумнее для вас думать о себе не как о полукровке, а как о весьма сильном маге. Очень сильном. Если вы сейчас запустите в меня заклинанием из предохранительного аркана, который держите под столом, не думаю, что смогу его отразить.

Последние слова Эгмонтер произнес все с той же обаятельной улыбкой. Брайс прищурился. Улыбнулся в ответ, правда, далеко не так обаятельно – скорее, угрожающе.

– Хорошо, что вы это понимаете, – сухо сказал он.

– Понимаю и ценю вашу предусмотрительность. Вы увидели меня сегодня впервые в жизни, а я уже подбиваю вас на бунт против брата. Было бы глупо так сразу мне довериться.

– На что же вы в таком случае рассчитываете?

– Исключительно на ваше здравомыслие, мой принц. Посудите сами. Совет лордов фактически признал Яннема королем. Однако что на это скажет простой народ? Да, Яннем – старший сын Лотара и человек по обеим родительским линиям. Но можно ли назвать его кровь чистой? Ведь первейший признак чистоты крови – это способность к магии. А вы, с вашей эльфийской, якобы грязной кровью, все же отмечены этим знаком – отмечены с рождения и безоговорочно для всех. Вы даже слишком сильны, так сильны, что сегодня в таверне мне пришлось остановить вас, чтобы не позволить проявить эту силу публично. Все мое время.

– И вы считаете, этого будет достаточно, чтобы народ предпочел меня? Мага-полуэльфа – человеку, неспособному к магии?

– Народ всегда предпочитает то, на что ему грамотно и настойчиво указывают, мой принц. Нам предстоит большая работа.

Брайс побарабанил пальцами по столу.

– У вас определенно есть выгода, – заявил он. – Помимо должности Лорда-хранителя, полагаю, не столь уж почетной для вас. Вы ведь живете в Империи. Вы кровный родич герцога, прямой наследник его титула. Вас ждет блестящее будущее при дворе императора Карлита, если только... – Брайс осекся. – Император Карлит? Он вас ко мне послал? Это он готов предложить поддержку, если я... что? Эгмонтер, что вам от меня нужно?

Возможно, Брайсу показалось, но на мгновение он отчетливо увидел в глазах Эгмонтера мелькнувшее замешательство. Словно Брайс оказался умнее, чем виконт ожидал. Хотя позже, много позже, вспоминая те роковые дни, Брайс с горькой усмешкой думал, что умным себя вовсе не показал. Будь он умнее – а попросту говоря, хоть немного опытнее и старше, – он бы не стал высказывать все это вслух.

Эгмонтер развеял напряженную тишину непринужденным смехом.

– Что ж, начистоту так начистоту, ваше высочество! Меня действительно уполномочил император Карлит. Как вам наверняка известно, он уже много десятилетий объединяет под своей рукой все человеческие земли по эту сторону Долгого моря. И желает, чтобы Митрил также стал частью Империи. Люди – величайшая из рас, не в обиду вашим эльфийским предкам сказано. И только объединившись, смогут противостоять нарастающей силе орков. Не говоря уж о торговых, культурных, финансовых и прочих выгодах для обеих сторон.

– Карлит хочет, чтобы Митрил стал провинцией Империи? – сама эта мысль возмутила Брайса до глубины души, но Эгмонтер не дал ему времени выйти из себя:

– Не провинцией, а свободным королевством в союзе равных. И прежде чем все-таки запустить в меня заклиниванием, подумайте вот о чем. В Империи людей нет преследования по расовому признаку. Конечно, определенные предрассудки имеют место, некоторые люди недолюбливают гномов и эльфов, но и те, как вам хорошо известно, к людям относятся без пиетета. Однако из всех человеческих держав только в Митриле к светлым расам относятся как к существам второго сорта на государственном уровне. Пошлина нечистой крови, которую обязан заплатить каждый въезжающий в Митрил гном или эльф, – это оскорбительно в самой своей основе. И вдвойне оскорбительно для вас, принца-полукровки. Ведь, в сущности, по закону ваш отец обязан был платить за вас пошлину в собственную казну!

Брайс ощутил, что краснеет. Так и есть, он сам думал об этом много раз. Взяв в жены эльфийку, отец нарушил и традиции, и собственные законы (ибо именно король Лотар ввел ту самую «пошлину нечистой крови»). А Брайс всегда был живым напоминанием об этом. Если Лотар и прощал ему запятнанное происхождение, то лишь потому, что видел, каким сильным магом растет его сын.

– И вы считаете, – проговорил Брайс, – что, став королем, я смогу изменить закон? Изменить традиции?

– Если вы станете королем, вам придется это сделать. Самим фактом своего восшествия на престол вы продемонстрируете, что разницы между людьми и эльфами в Митриле больше

нет. Вы откроете ворота во внешний мир, много веков запертые на сто засовов. В Митрил хлынет вся сила, знания, мудрость, богатство иных народов – все то, от чего ваши предки так глупо отказывались сотни лет. И это принесет только пользу вашему королевству.

– Начнется гражданская война. Междоусобица. Слишком многие воспротивятся...

– Да. Так и будет. Прольется много крови. Но затем воцарится тысячелетний мир – мир, о котором ваш народ может только мечтать, пока его со всех сторон осаждают орки. А чума, унесшая жизни ваших старших братьев? Если бы в городе тогда находились эльфийские лекари с их особыми заклинаниями, оба принца могли остаться в живых. Как и многие тысячи других. Если вы не хотите бороться с вашим братом ради самого себя, то подумайте о том, стоят ли борьбы ваши соотечественники. И достойны ли вы быть королем, если ставите собственные интересы выше их.

Брайс порывисто встал, оттолкнув стул, снова глупо стукнулся головой о притолоку, сделал несколько шагов и остановился. Сердце у него сильно и гулко билось. Эгмонтер говорит правду, этого Брайс не мог отрицать. Ненависть митрильцев к иным расам, подпитываемая косностью правителей, всегда причиняла Брайсу боль. Может, потому, что он сам был полупэльфом, а может, просто потому, что считал это несправедливым. И если в словах Эгмонтера есть хоть доля истины... если есть шанс изменить вековой уклад... то, Тьма все забери, он обязан попытаться.

Вот только попытаться – значит, предать Яннема. Или Яннем, или народ Митрила. Тяжелый выбор.

– Вы знаете, кем была моя мать? – спросил Брайс, глядя на заколоченное кривыми досками окно.

– Насколько я слышал, точно этого никто не знает, – осторожно ответил Эгмонтер. – Она была изгнана из Светлого леса и...

– Не просто изгнана. Проклята. Ей отсекали язык и уши. А знаете, зачем эльфы это делают? Чтобы на физическом и магическом уровнях разорвать связь эльфа со Светлым лесом. Эльф с обрезанными ушами не слышит песни деревьев. Не слышит голоса предметов, которых создают эльфийские мастера. Не может общаться с другими. По сути, лишается способности к магии. – Брайс помолчал, вдруг осознав, что ни с кем никогда не говорил об этом. Мать рассказала ему – записала свою историю на пергаменте ровными, округлыми рунами. Она выучила сына читать по эльфийским рунам нарочно, чтобы поведать ему о себе. – Потому они и сделали это с ней. Она занималась темной магией. Для эльфов нет и не может быть преступления отвратительнее.

Эгмонтер деликатно промолчал. Брайс, не оборачиваясь к нему, поднял руку, сжал пальцы в кулак, разжал и снова сжал.

– С самого детства во мне было много маны. Слишком много. Больше, чем во всех моих братьях, вместе взятых. И ее становилось все больше. Пока Клайда и Рейнара учили, как развивать в себе магический потенциал, меня учили, как его сдерживать. Лорд Иссилдор лично занимался со мной, как и со всеми принцами, но только один раз провел упражнение, помогающее высвободить ману. Я не помню, что тогда произошло, только знаю, что лорда Иссилдора нашли в крепостном рве со сломанной ногой, а со мной с тех пор занимались другие маги, рангом помельче. Лет до девяти я их еще иногда калечил, потом перестал. Научился сдерживаться. Хотя моя мать, она... Она всегда была против. Против того, чтобы я подавлял в себе эту силу. Она говорила мне – то есть не вслух, конечно, мы общались записками, – что мое существование доказывает немощь Светлой владычицы и Светлого леса. Доказывает, что невозможно истребить в эльфе магию, даже оборвав его связь с ней. Она все равно найдет выход.

Брайс обернулся. Виконт Эгмонтер смотрел на него блестящими в полумраке глазами, и Брайсу почудилось в этом взгляде нечто плотоядное – не лисица так смотрит на курицу, а орк на разделанного человека, подвешенного на вертеле. Брайс слегка вздрогнул и этим выдал

себя. Огонек к глазам Эгмонтера тотчас погас. Его хищная улыбка сделалась понимающей и сочувственной.

– Именно об этом я и пытаюсь сказать вам, мой принц. Вы подавляете свои силы, и раньше это было разумно. Но если вы дадите им выход сейчас, никто не сможет отрицать, что вы достойный наследник отца. Единственный достойный наследник.

– Отец не хотел видеть меня на троне. Я знаю, что не хотел. Он и сам любил поиграть с разрушительной силой, особенно на охоте – это и сгубило его в конце концов. Но даже в разрушении он использовал только силу Света. Я... я не такой, – вырвалось у Брайса, и он сам испугался того, что значили эти слова.

– Конечно, вы не такой, – мягко сказал Эгмонтер. – И это одно из ваших главных преимуществ. Вы будете не преемником короля Лотара, а зачинателем новой эры. Создайте собственное имя и личность. Отрекитесь от своего отца. Заклейте его наследие, засияйте собственным, а не отраженным светом. Противопоставьте адептов старого порядка адептам нового, позовите за собой тех, кто, как и вы, втайне мечтает о переменах. В этом заключена огромная сила, мой принц. Она висит над вами как спелый плод. Сорвите ее.

Брайс понял, что не может больше смотреть ему в лицо, выдерживать этот пылающий, темный взгляд. Все-таки Эгмонтер не в шутку сказал, что пришел от Темных богов. И никакая это была не фигура речи.

То, что Брайс сказал потом, перевернуло его жизнь. Но он не подозревал об этом, когда слова будто сами собой слетели с его губ.

– Мне было шесть лет. Я не видел свою мать несколько дней, соскучился и без предупреждения забежал в ее покои. И увидел, что она стоит у очага и готовит карамельные конфеты. Разноцветные, подкрашенные цветочными лепестками. Я такие очень любил, и Яннем тоже. Я обрадовался, подбежал к ней. И тогда увидел. В одну из горошин она добавила капельку Тьмы. Чистой Тьмы. До сих пор не знаю, как она это сделала, ведь эльфы лишили ее способности к магии. Так я тогда думал. А теперь понимаю, что они только оборвали ее связь с Лесом. И, наверное, этим лишь сильнее укрепили связь с Тьмой. Моя мать превратила Тьму в смертельный яд. И начинила им карамельные конфеты, которые так любил мой брат.

Надолго повисла тишина. Коза под окном унялась, пьяные выкрики не нарушали покой – никто в городе не смел открыто кутить в такой день. Виконт Эгмонтер молчал. Брайс повернулся и взглянул ему в лицо.

– Я не позволил ей, – отчеканил он. – Понял, что она собирается убить Яннема, и не позволил. Она плакала, стояла передо мной на коленях, просила прощения. Она не хотела, чтобы я узнал. Заботилась обо мне, на свой лад. Я никогда не причиню вред Яннему, виконт Эгмонтер. Ни прямо, ни косвенно.

Никогда.

Эгмонтер поднялся, отвесил глубокий поклон и, не произнеся более не слова, вышел из комнаты прочь. Брайс проводил его взглядом, не расплетая пальцев, сведенных в защитный аркан. И глубоко вздохнул, когда дверь наконец закрылась.

«Никогда, – повторил он про себя. – Но я помню, как выглядело то заклинание – яд, сплетенный из Тьмы. И при случае... если будет нужда... пожалуй, смогу его воспроизвести».

Глава 5

«Как же тяжело», – подумал Яннем.

Эта мысль не относилась к ритуальному коронационному одеянию, в которое его облачили, вернее, относилась, но лишь отчасти. Митриловые доспехи, одни из немногих, сохранившиеся в королевстве с тех незапамятных времен, когда горные шахты наполнились этой крепчайшей рудой, оказались велики ему, а щедрая инкрустация червонным золотом и негранеными алмазами прибавляла веса. Он чувствовал себя в них еще более беззащитным, чем если бы стоял голым здесь, на гигантском каменном помосте в самом сердце столицы. Руки приходилось все время держать на весу, согнув в локтях, удерживая в ладонях королевские регалии: меч – символ воинской доблести и змея на шаре – символ магической силы. И то, и другое также были сделаны из митрила, разукрашено драгоценностями, искрились на полуденном солнце, слепя глаза и мучительно оттягивая затекшие руки.

Но тяжело Яннему было не поэтому.

Он стоял совершенно один в окружении огромной толпы. По периметру каменного помоста, затканного пурпурной парчой, выстроился почетный караул в белоснежных латах – триста отборных стражников, стоящих неподвижной, молчаливой стеной, казавшейся неживой. На миг в Яннеме родилась дикая уверенность, что, если подойти к любому из стражей и поднять забрало белого шлема, там не окажется никакого лица – только зияющая пустота. Он отмахнулся от этой безумной мысли и крепче перехватил змея, сидящего на митриловом шаре. Шар скользил в мокрой от пота ладони Яннема. Не хватает только сейчас, чтоб выпал.

Как же все это тяжело.

Толпа вокруг него, за частоколом латников, торжественно безмолвствовала. Крестьяне, и ремесленники, и торговцы, и дворяне, и приближенные ко двору, и члены королевского Совета, и Серена, и, разумеется, Брайс – все они были там. Яннем не смотрел на них, но чувствовал кожей их обжигающие взгляды и напряженное, требовательное ожидание. Более пятидесяти лет столица не видела подобного – церемония коронации нового монарха, представление народу Митрила человека, который отныне будет править им, возглавлять его, защищать от зла. Не каждому даровано такое высокое право, и всякий, претендующий на него, должен доказать, что достоин. Так тысячу лет назад, после первой большой победы над орками, был избран первый из митрильских королей. Три претендента прошли череду испытаний, выявивших среди них лучшего – Бrameйла, ставшего основателем королевской династии, которая не менялась с тех пор никогда. Потому что каждый из потомков первого владыки Митрила проходил при коронации те же самые ритуалы и каждый доказывал, что достоин.

«Каждый. До меня. А я не сумею».

Яннем сглотнул ком, вставший в горле. Змей на митриловом шаре предательски ерзал в мокрой ладони.

Ритуал не менялся тысячу лет. Претендент становится в конце длинного помоста, а в другом конце его ждет Верховный жрец Светлых богов, держа в руках королевский венец. Яннему предстояло пройти весь помост – около пятидесяти ярдов холодного камня и пурпурной парчи, – и на пути его высились три стены. Три магические стены, воздвигнутые совместными усилиями лучших магов королевства, трудившихся над их созданием всю ночь. Первая – стена из терновника, плотно сплетшегося, ощеренного сотнями острых шипов. Вторая – стена из камня, гигантская мраморная плита в пять локтей толщиной. Третья – стена пламени, шипящего, плюющего, беспощадного. На протяжении тысячи лет каждый король Митрила с легкостью – большей или меньшей – рушил эти преграды, доказывая, что по магической силе ему нет равных, и в конце пути получал из рук Верховного жреца корону в награду за пройденный путь.

Вот только Яннем, сын Лотара, оказался первым в долгой череде митрильских королей, который пройти эти преграды в принципе не способен. И все это знают.

Все, Тьма заведи их. Все и каждый.

Несколько дней в Совете бурно обсуждали поиски выхода. Выдвигались самые разные предложения: от полной отмены ритуала до замены настоящих магических стен бутафорией – шелковыми полотнищами, которые король разрубит мечом. Все эти предложения Яннем отменял, слишком хорошо понимая, как будет выглядеть в глазах своих будущих подданных. В конце концов он хлопнул ладонью по столу и сказал, перекрывая гул голосов:

– Довольно, милорды! Я должен пройти эти стены. Настоящие стены. Как именно я это сделаю – ваша забота.

Таким образом он не оставил выбора ни членам Совета, ни себе самому.

И вот перед ним первая из этих стен. И он должен смочь.

Под тяжестью тысячи глаз Яннем воздел правую руку, ту, что сжимала меч. По традиции именно на меч завязывалось заклинание, разрубающее стену из терния. Несколько мгновений ничего не происходило, а затем те, кто стоял ближе других и обладал магическим чутьем, ощутили глубинную вибрацию маны. Стена терновника пошла рябью, колючие ветви изогнулись, почернели, с хрустом посыпались наземь. Стена развеялась прахом, обратилась мелкой чернеющей пылью, словно ее выжгло потоком невидимого огня.

Яннем прошел там, где она только что высилась, и черная пыль хрустела под его золочеными латными сапогами.

По толпе прошел шепоток – удивленный, недоверчивый и, кажется, восхищенный. Яннем задержал дыхание. Только не смотреть на них, только не смотреть. Он был рад, что его огораживает стена неподвижных стражей – смотреть в лица людей, собравшихся на площади, было бы сейчас невыносимо. «Я должен сделать это. Обязан», – приказал он себе, останавливаясь перед второй стеной.

На этот раз в ход пошла вторая реликвия – змей на шаре. Яннем высоко поднял его, развернув змея головой к преграде, и на миг ему показалось, что алмазные глаза митрилового амулета сверкнули злобной насмешкой. Я-то знаю, словно говорил этот взгляд. И ты знаешь. И они узнают тоже, как ни крутись.

Под помостом вновь прокатилась дрожь, более глубокая, чем в первый раз. Мраморная стена вспухла, затрещала, в верхней ее части возникла трещина – поначалу совсем небольшая, но затем она поползла вниз, стремительно разветвляясь, словно ударившая с неба молния. Эта молния вонзилась в помост у ног Яннема, раскалывая мраморную плиту надвое. Десятки обломков с грохотом посыпались на помост, никому, однако, не нанеся вреда – они измельчались в воздухе, превращаясь в мелкую гальку, а галька таяла, не успев долететь до земли. Вторая преграда тоже исчезла.

Яннем ощутил на своем лице дыхание пламени, исходящего от третьей стены, и закрыл глаза. Ему показалось, что огонь опалил брови, но проверять он не рискнул.

Еще немного. Все почти позади.

Он воздел обе руки перед огненной завесой, плюющей языками пламени. На секунду увидел в причудливой игре огня лицо своего отца – искаженное таким страшным гневом, что Яннем едва не отшатнулся. Но руки не опустил. Сгусток маны, превосходящий по силе два предыдущие разом, вырвался из обеих реликвий и ударил в стену огня, высасывая из нее воздух, заставляя пламя задыхаться и гибнуть. Огненная пелена стала скукоживаться, сжиматься, собралась в сгусток, потом – в шар, потом в пятно – и растаяла без следа.

Теперь Яннем видел Мелегила – Верховного жреца, Лорда-пресвитера, который с торжественной улыбкой протягивал ему королевский венец. Только подойти и склонить голову. Только взять. Яннем шагнул вперед и...

– Это обман!

Пронзительный крик разорвал толпу. Мгновение висела звенящая тишина, а потом Яннем медленно повернул голову туда, откуда донесся этот крик. Но ничего не увидел за плотной стеной окруживших его стражей. По-прежнему неподвижных.

– Обман! Как вы не видите?! Это не он колдовал! Ему помогли!

Поднялся ропот. Яннем бросил быстрый взгляд на Лорда-пресвитера, который так стоял с застывшей улыбкой и венцом в поднятых руках. В растерянном взгляде Верховного жреца не читалось ни малейшей подсказки о том, что теперь делать. «Проклятье, я же говорил, что так выйдет», – подумал Яннем.

Он в самом деле им говорил. Это было очевидно. На коронации будет слишком много людей, обладающих магией или по крайней мере способных улавливать ее. И даже если большинство из них промолчит, кто-нибудь непременно разинет свой поганный рот. Кто-нибудь скажет вслух то, о чем во время ритуала в недоумении думал каждый: общеизвестна неспособность принца Яннема к магии, так как же он сможет пройти испытания, требующие недюжинной магической силы?

Идея принадлежала лорду Дальгосу. Само собой.

– Мы пробьём в ритуальном помосте нишу, – предложил он, когда все прочие идеи иссякли или были отвергнуты Яннемом. – И замуруем там пятерых сильнейших магов. Нет, лучше дюжину. Как считаете, лорд Иссилдор, дюжины хватит?

– Сложно сказать, – промямлил Лорд-маг, пораженный этим кощунственным предложением до такой степени, что даже не посмел ему воспротивиться. – Вероятно... должно хватить...

– Для верности пусть это будут те самые маги, которые возводят ритуальные преграды. Они возведут их, они же и снимут. Королю потребуется лишь пройтись по помосту, совершая необходимые движения – воздевая регалии в нужных местах. Мы порепетируем, чтобы все выглядело естественно. Разумеется, нишу в помосте нужно будет хорошенько защитить, навести иллюзию, чтобы никто из толпы не обнаружил настоящего источника магии. Следует заранее удалить с церемонии наиболее сильных магов под каким-нибудь благовидным предлогом.

– Это сработает? – спросил Яннем, повернувшись к Лорду-магу. – Как вы полагаете, милорд?

«Лучше бы сработало», – явственно говорил его тон. Лорд Иссилдор нервно сглотнул. Удивительно, как серьезно они относились к угрозе, которую Яннем мог для них представлять, хотя он еще даже не стал помазанным монархом. Яннем поймал одобрительный взгляд лорда Дальгоса, и это придало ему сил.

Хотя в глубине души он понимал, что не сработает. И хуже того – часть лордов тоже об этом наверняка догадывалась. И все же не остановили его. Они хотели, чтобы он познал этот позор. Знали, что это – легкий и быстрый способ уничтожить его, не запачкав собственных рук.

И вот теперь они, кажется, победили.

Обвиняющий крик из толпы был подобен огненной стреле, вонзившейся в стог сена. Пламя разгорелось не сразу. Сперва слышался только ропот, потом раздались отдельные выкрики – гневные, протестующие, потрясенные.

– Обманщик!

– Лжец!

– Нас хотят обмануть!

– Он не мог сделать это сам. Все знают!

– Обманщик! Король без магии!

И наконец – последняя капля, переполнившая общую чашу:

– Нечистая кровь!

И толпа взорвалась.

Стена стражей качнулась как единое живое существо. Но устояла – на этот раз. Яннем услышал пронзительную команду, которую выкрикнул лорд Фрамер: «Сомкнуть ряды! Копья – на щиты!», и строй вновь двинулся, как один человек, ощерившись копьями, направленными в толпу. Послышались крики боли. Кто-то пытался бежать, но толпа стояла слишком плотно, и немедленно началась давка. Середина давила на задние ряды, пытаясь вырваться, задние ряды смешались, надавливая на передние и прижимая их к строю латников, насаживавших людей на копья, как орки насаживают на вертел своих беспомощных жертв. Справа от Яннема брызнул высоченный фонтан крови, орошая белоснежные доспехи стражников россыпью алых пятен. Несколько брызг попали Яннему на лицо. Он машинально облизнул губы – и ужаснулся, ощутив на них металлический привкус.

«Так я начинаю мое правление. Обманом и кровью», – подумал он и вдруг мучительно захотел вернуться в скальное ущелье Смиграт, в тот миг, когда его отец стал взбираться по расселине вверх. Вернуться и остановить его. Остановить любой ценой. Лишь бы не проходить сейчас через все это...

Но то было мгновение слабости. Оно быстро прошло.

– Лорд-пресвитер! – отрывисто выкрикнул Яннем.

Верховный жрец, в растерянности озирающийся по сторонам среди беснующейся и вопящей толпы, казалось, совершенно выпал из реальности. Его руки, сжимающие венец, опустились и мелко дрожали. Яннем с трудом подавил порыв сгрести старика за грудки и встряхнуть – вот только руки заняты проклятыми регалиями.

– Коронуйте меня, – прошипел он. – Немедленно! Иначе вы дорого мне заплатите.

Верховный жрец не отличался особенной мудростью или силой духа. В действительности он был довольно слабохарактерен – король Лотар подбирал в Совет в основном таких людей, на которых мог без лишних хлопот надавить. Инстинктивно Яннем применил ту самую тактику, которой придерживался его отец: когда тебя загнали в угол, иди напролом – и умри или победи. Лотара никогда не подводила эта тактика, ни в политике, ни на войне. Почти никогда.

И Яннема она в тот страшный день тоже не подвела.

– Именем Светлых богов... – запинаясь, начал Верховный жрец.

– Громче! – потребовал Яннем, и лорд Мелегил закричал дребезжащим старческим голосом:

– Именем Светлых богов приветствую тебя, Яннем, в конце пути, и да станет конец прежнего началом нового! Да возрадуется Митрил, ибо новый король вступает на светлый путь!

И он возложил венец, который короли Митрила носили тысячу лет, на голову Яннема.

«Сияй, – приказал Яннем. – Ну, сияй! Что ж ты...» Венец молчал. Опущенный на чело нового короля, только что прошедшего ритуал, он всегда наполнялся ясным, ровным свечением – согласно легенде, в алмазах, украшавших венец, запечатана чистая магия Света. Но сейчас венец оставался мертвым. Он не светился, не явил благословение Светлых богов новому королю. Это был просто головной убор из митрила и золота, очень тяжелый.

Очень тяжелый.

– Ваше величество! Сюда! Быстрее! – громоподобный голос лорда Фрамера вырвал Яннема из тошнотворного отчаяния и заставил вскинуть отяжеленную короной голову. Белые латники оттеснили толпу и создали коридор, ведущий от помоста по направлению к замку. Там стоял паланкин, окутанный мощным магическим барьером. Только бы добраться до него.

Яннем спустился с помоста, изо всех сил стараясь не слишком суетиться, хотя к особой величественности положение явно не располагало. Оскорбительные выкрики улеглись, теперь из толпы рвались только крики страха и боли: стража во главе с Лордом-защитником свое дело знала. Яннем пошел вперед, стараясь смотреть только прямо перед собой. Но испытания этого дня еще не закончились для него, хотя он об этом не подозревал.

До паланкина оставалось всего несколько шагов, когда какой-то оборванец, грязный, с безумно вытаращенными глазами, неведомым образом прорвал заслон. Он прожил после этого всего секунду, но этой секунды ему хватило, чтобы набрать полный рот зловонной слюны и смачно харкнуть прямо в лицо новопомазанного короля.

В следующее мгновение его голова слетела с плеч, стукнулась о мостовую и покатилась, подпрыгивая, словно мяч, орошая камни хлещущей кровью.

Яннем поднял глаза. И встретился взглядом со своим братом.

– Прости, – сказал Брайс, тяжело дыша. – Я не успел.

Яннем не заметил, как он оказался рядом. Как это допустил Фрамер? И почему? Лорд-защитник в стоворе с Брайсом, или доверяет ему, или проявил халатность и недосмотрел – все эти предположения, в равной степени скверные, вихрем пронесли в голове Яннема, но он тут же отмел их. Не сейчас. Брайс стоял перед ним, его меч и торжественные одежды были обгарены кровью, словно он только что вернулся с поля битвы. В сущности, так оно и есть. Только что состоялась первая битва короля Яннема. Первая из многих. Знать бы только, выиграл он ее или проиграл.

Он утер тыльной стороной ладони плевки с лица, напрочь забыв о неграненых алмазах, усеивающих латную перчатку. Один из камней оцарапал ему щеку. Еще одна кровь. Так много сегодня крови.

– Это ты кричал? – спросил Яннем.

Вопрос вырвался сам собой. Кто первый обвинил короля во лжи? Яннем не узнал голос, но ведь это мог быть Брайс. Если по справедливости, то из всех живущих людей именно он и должен был это крикнуть.

Глаза Брайса широко распахнулись. Яннем увидел в них так много всего: изумление, возмущение, обиду... жалость. Брайсу искренне жаль брата, жаль, что все так обернулось. И за всем этим, на самой темной глубине, виднелось что-то еще. Слабая, едва заметная искра глухого удовлетворения. Нет, конечно, это не Брайс закричал про обман. Но он рад, что это сделал за него кто-то другой. И хотя Брайс только что убил негодяя, опозорившего короля, часть его не могла не радоваться этому позору.

Яннем хорошо знал своего младшего брата. Знал и любил. Они читали друг друга, словно открытую книгу. Всегда так было.

«Он опасен для меня, – подумал Яннем. – Смертельно опасен. Он мой враг. Запомни, Яннем: вот твой самый злейший враг. Брайс, а не те, кто кричал в толпе и плевал тебе в лицо».

– Проводи меня до дворца, – попросил он, и Брайс, облегченно кивнув, с готовностью встал по правую руку от своего брата.

Вместе они зашагали к паланкину.

Глава 6

Как и Яннем, при жизни отца Брайс ни разу не присутствовал на заседаниях королевского Совета. Трудно сказать, о чем именно думал Лотар, когда даже после смерти старших сыновей упорно отстранял двух оставшихся от государственных дел. Быть может, он в самом деле рассчитывал жить и править если не вечно, то еще много лет. И, похоже, примерно с тем же расчетом решил руководствоваться и его преемник в лице Яннема. Он не был женат, не успел завести детей, даже незаконных (по крайней мере, насколько было известно Брайсу), и теперь единственным его наследником становился младший брат.

И тем не менее Яннем определенно решил пойти по стопам их почившего родителя. Во всем, в чем только сможет. Начал он с того, что даже и не подумал предложить Брайсу место в Совете. То, что места, как такового, не было, не играло роли – Клайд и Рейнар постоянно присутствовали на заседаниях, стоя за тронным креслом отца, хотя формально не занимали при дворе никаких должностей. Но все равно они слушали, запоминали, учились, а порой им даже давали слово. Яннем решил не оказывать Брайсу даже такой незначительной милости. Возможно, он злился из-за того, что на треклятой коронации Брайс стал свидетелем его позора. Да, он убил прорвавшегося бродягу, но лишь когда тот уже успел нанести королю публичное оскорбление. Не то чтобы это многие видели, но сплетня все же просочилась и расплзлась по столице. Вообще, в народе сложилось самое скверное впечатление как о помазании новоиспеченного монарха на трон, так и о самом монархе. Самое скверное.

Обо всем этом Брайсу исправно докладывал виконт Эгмонтер, ставший, за неимением лучшего, его глазами и ушами в Совете.

– Яннем коронован, но его никто по-настоящему не принял, – сообщал Эгмонтер с таким упоенным видом, словно неприязнь митрильцев к новому королю была его личной заслугой. – Сейчас достаточно бросить в воду камень, чтобы пошли круги. Будьте начеку, мой принц, нам нужно выжидать подходящего момента.

Брайс слушал его, молча хмурясь. Он не взял назад своих слов о том, что не намерен идти против брата. Так оно и было. Но все же ему, как и многим другим – и при королевском дворе, и за дворцовыми стенами, – не нравилось происходящее. Яннем взял на себя слишком много и с ходу завернул слишком круто. В давке во время коронации погибли люди. Не настолько много, чтобы вызвать в городе бунт, но в тавернах эту коронацию называли не иначе как «кровавой». Такое восшествие на престол ничего хорошего новому монарху не сулило. Жрецы в храмах призывали митрильцев молиться за здоровье и благополучное царствование нового владыки Митрила, а люди между тем говорили, что это еще большой вопрос, угоден ли богам такой король. Ведь королевский венец, возложенный на его голову, так и не воссиял божественным светом. А это что-то да значит...

Поэтому Брайс, при всем своем нежелании открытого противостояния, не мог не чувствовать нарастающее в воздухе напряжение и не мог не желать его разрядки. Что-то должно произойти, и очень скоро – то, что либо позволит Яннему стать настоящим королем, не по титулу, но по сути и предназначению, либо низвергнет его окончательно. И тогда... что ж, тогда и видно будет.

Брайс ясно дал понять Эгмонтеру, что намерен ждать знамения свыше, но сам и пальцем не шевельнет, чтобы такое знамение организовать. Эгмонтер сокрушенно вздыхал. Яннем, старательно избегая брата в дворцовых коридорах, усердно работал, вникая в дела государства, порученного отныне его заботам. Так прошло две недели.

А потом боги, Светлые или Темные, явили знамение, которого ждали все.

С запада прискакал изрубленный, истекающий кровью гонец с наполовину содранным скальпом. Он рухнул с коня у подвесного моста замка Бергмар, но прежде, чем испустить дух, успел прохрипеть, вцепившись в подбежавшего к нему стражника:

– Орки... на перевале... за Мортагом...

И умер.

Западная орочья орда в последние столетия редко беспокоила Митрил налетами. Опасности приходилось ждать с юга и юго-запада, где простиралась степная равнина, постоянно подвергавшаяся набегам кочевых племен. С такими набегам без особого труда справлялись пограничные форпосты, которые люди Митрила выстроили вдоль всей линии соприкосновения со степью. На протяжении сотен лет эти форпосты росли, множились и крепили. И теперь от южной степи, принадлежащей оркам, и от примыкающих к ней земель Империи людей Митрил ограждала надежная линия рвов, насыпей и летцин, способных остановить на подходе практически любого противника.

Иначе обстояло дело с западным направлением. Там лежали земли орды, отделенные от Митрила перевалом, носившим название Скорбного. Примерно пятьсот лет назад там состоялась грандиозная битва, завершившая самый большой и кровавый орочий набег в истории Митрила. Западные орки вели оседлый образ жизни и в набег ходили редко, но в то страшное лето они решили оттеснить людей с Митрильского хребта, завладев этой землей. Никто не знал, зачем им это понадобилось – уж точно не ради истощившихся гномьих рудников и вряд ли ради человеческих городов и поселков, которых орки все равно сровняли бы с землей. Митрил насчитывал, помимо столицы, два десятка городов, гроздью обвивавших горный хребет, а от этих городов вниз, в долину, стекали деревушки и хутора. Там крестьяне трудились на пастбищах и редких участках плодородной земли, вскармливая города и замки, которые, в свою очередь, снабжали их ремесленными товарами и, самое главное, защищали от внешнего врага. Брать здесь западным оркам было нечего – разве что рабов, которых они, подобно своим соплеменникам с земли Глыхныг, выращивали и откармливали на убой. Словом, причин того набега история не сохранила, но ужас и хаос, которые он посеял, нашли отражение в имени Скорбного Перевала. Там и сейчас никто не селился, потому что слишком велик был шанс, гуляя по горным тропам, ненароком услышать под ногой хруст старых костей.

И вот теперь, если верить умершему в муках гонцу – а не верить ему не было никаких оснований, – западные орки снова решили пересечь перевал. Сейчас, в начале зимы. И так же, как пятьсот лет назад, никто не мог понять, зачем им это понадобилось, но все сознавали, насколько страшна эта угроза.

Молодой король Яннем, однако, собирался выдержать испытание с честью.

Немедленно послали разведчиков, которые принесли неутешительные вести: на перевале действительно появлялись орки и сожгли дотла одно из немногих поселений, находившихся в этой части Митрила. Три форпоста, охранявших западную границу, тоже оказались уничтожены, а служившие там стражники исчезли без следа. И лишь через несколько дней разведывательная группа, отправленная к Скорбному Перевалу, сумела найти следы орочьего стойбища: с пепелищем, оставшимся от костра, и частями обглоданных человеческих тел, разбросанными вокруг.

Орки действительно побывали здесь, уничтожили форпосты, разорили селение и ушли, словно это было для них лишь небольшой увеселительной прогулкой.

Все это было важно. Важнее, чем любые попытки прорыва юго-западных орков со стороны степи, случавшиеся почти каждый год. Брайс это понимал. Но он сомневался, понимает ли это Яннем. Поэтому решил послушаться своего брата, впервые с того дня, когда тот стал королем.

И незваным явился на заседание Совета.

Когда Брайс вошел, Совет уже начался. Яннем как раз заслушивал отчет лорда Дальгоса, пересказывающего последние донесения от разведгруппы. Войдя, Брайс на ходу поднял ладонь, молчаливо призывая Лорда-дознателя не прерывать доклада, и остановился, не дойдя несколько шагов до стола. Лорд Дальгос, однако, все же смолк и вопросительно взглянул на короля, который сидел в тронном кресле прямой, как струна, не прислоняясь к спинке, и слушал доклад с совершенно непроницаемым лицом, заставившим Брайса восхититься выдержкой брата. «Интересно, – подумалось Брайсу, – нервничает ли он? Тьма забори, еще как. Я бы на его месте с ума сходил».

– Ваше высочество, – раздельно проговорил лорд Дальгос. – Не знал, что нынче вы почтите Совет своим присутствием.

И еще один вопросительный взгляд в сторону Яннема. А хорошо тот вышколил Лорда-дознателя за какие-то две недели, раз тот на любой чих спрашивает его одобрения. Или как раз дело в том, что присутствие Брайса Яннем с Дальгосом не обсуждал? Кто чьего одобрения должен спрашивать, в самом деле?

– Я и сам этого не знал до последней минуты, – ответил Брайс, стараясь, чтобы голос звучал непринужденно. – Видят Светлые боги, лорд Эгмонтер всячески меня отговаривал. – Это была наглая ложь, и Брайс не без удовольствия увидел, как при ней перекосило виконта Эгмонтера. – Но я не смог удержаться, зная, что именно вы будете обсуждать сегодня.

– Не смогли удержаться, чтобы не поделиться с нами вашим бесценным опытом в области стратегического планирования? – язвительно осведомился лорд Адалозо. Эгмонтер считал, что он может стать союзником Брайса. Если и так, старый пройдоха хорошо это скрывает.

Брайс спокойно скрестил руки на груди и ответил, глядя не на Лорда-казначая, а на своего брата:

– Судя по слухам, которые до меня доходят, лишняя голова Совету сейчас точно не повредит. Ибо я здесь не единственный, кто не может похвастаться существенным опытом в стратегическом планировании.

Выпад попал в цель. Яннем побледнел – он был склонен к этому, сошедшая с лица краска часто была единственным внешним признаком, по которому удавалось судить о его истинных чувствах. Повисла напряженная тишина, во время которой Яннем, очевидно, обдумывал следующий шаг. Брайс не успел прикинуть, что будет, если король сейчас попросту кликнет стражу и вышвырнет его вон, как попрошайку. Не поворачивая головы и не спуская с Брайса глаз, Яннем сказал:

– Лорд-хранитель, распорядитесь поставить за столом еще одно кресло.

Все выдохнули. Если буря и грядет, то, по крайней мере, на данный момент она миновала. Брайс пододвинул кресло, принесенное для него, и придвинулся к столу – пусть и в дальнем его конце, но это большой шаг вперед по сравнению с тем, что до сих пор его даже на порог не пускали. И только тогда он обратил внимание, что, помимо него и короля, за столом Совета сегодня не шесть человек, а семь.

– Ваше величество, – сказал лорд Урсус, королевский маршал, поднимаясь с кресла, – теперь, когда мы выслушали донесение Лорда-дознателя, позвольте мне высказать собственные соображения.

– Говорите, – кивнул Яннем.

Королевский маршал не входил в Совет на постоянной основе и не носил соответствующего титула, дающего ему особые привилегии. Несколько лет назад, когда Яннем начал все-таки интересоваться политикой и устройством отцовского двора, он объяснил Брайсу, что это неспроста. Когда-то королевские маршалы входили в Совет наравне с остальными Лордами-советниками. Но один из их предков, прапрадед Лотара, пресек эту традицию, решив, что, будучи первым полководцем, маршал и так обладает слишком большой властью. Лорды-советники, находясь под рукой короля, издавали законы и принимали решения, маршалу же

надлежало лишь претворять эти решения в жизнь. «Если дать маршалу повод думать, будто он способен выносить собственные суждения, а не вершить королевскую волю, то однажды он может осознать, что покорная ему армия – это огромная сила, – пояснял Яннем внимательно слушавшему Брайсу. – Поэтому для всех лучше, если маршал будет поменьше думать собственной головой и побольше доверяться королю». На этот пост испокон веков назначали исключительно самых преданных, доказавших верность кровью множество раз. Даже пост Лорда-защитника, ведавшего личной охраной короля, не считался столь важным и доверенным.

«Но как же можно ставить во главе армии человека, не способного самостоятельно думать? – удивился Брайс, когда они говорили об этом. – Как он сможет строить стратегию и громить врагов?» – «А это несложно, – хмыкнул Яннем. – Ведь вспомни: эту традицию ввели через двести лет после Скорбной Войны. С тех пор самое опасное, с чем мы сталкиваемся, – это мелкие набеги юго-западной орды на хорошо укрепленные форпосты. Там, чтоб побеждать, большого ума не надо».

Интересно, подумал Брайс, глядя на непроницаемое лицо Яннема, помнишь ли ты тот наш разговор? Наверняка помнишь. Ты все запоминаешь и быстро соображаешь. Голова у тебя варит как надо, этого не отнять. Так какого же демона здесь болтается этот надутый дурак? Потому что лорд Урсус, тучный, кряжистый старик, про развращенные вкусы которого ходили слухи по всей столице, – последний, у кого нужно спрашивать совета по таким делам. Да, он ходил против орков с королем Лотаром, но всем известно, что не он вел армию в бой. Приказы всегда исходили от Лотара, и он лично верховодил тяжелой конницей в битве. Король-маг, король-воин, король-законодатель, король-полководец. Нелегко оказаться на его месте и все время пытаться сравниться с ним, да, Ян?

– Должен сказать, – заговорил лорд Урсус пропитым, развязным голосом, видимо, еще не вполне осознав, что он на Совете, а не в борделе, где провел эту ночь, – что, несмотря на тревожные новости, я считаю всю эту панику преждевременной. Да и не слишком-то обоснованной.

– Не слишком-то обоснованной? – переспросил лорд Мелегил. – Дочиста вырезанная деревня и следы каннибальской оргии – этого вам недостаточно?

– Это по-орочьи, – усмехнулся маршал. – Такова их натура. И да, время от времени они совершают такие вылазки. И я бы разделил вашу обеспокоенность, милорды, если бы это была вылазка вроде той, что случилась пять лет тому у Хельмудского моста. Тогда прошла орда на две тысячи голов, мы потеряли полдюжины деревень, сотни людей эти твари сожрали или угнали в рабство. Некоторые из вас помнят ту войну. Жаль, что не все. – Он бросил снисходительный взгляд на Яннема, и тот мгновенно отозвался:

– На меня намекаете, лорд маршал?

Тот осекся. В самом деле, именно в ту войну Лотар взял двух старших, тогда еще живых сыновей, оставив дома семнадцатилетнего Яннема и пятнадцатилетнего Брайса. Вряд ли стоило напоминать юному королю о том мучительном и постыдном для него времени. К тому же пять лет – довольно долгий срок. С тех пор слишком многое изменилось, включая и положение того, кто во время последней войны был изгоем в собственной семье, а теперь единолично правил всем королевством.

Но король Лотар умело подбирал соратников: лорду Урсусу и впрямь недоставало смекалки для подобных умозаключений. Поэтому он лишь криво ухмыльнулся и развел толстыми руками.

– Уж не взыщите, сир, но вас там не было. И никого из здесь присутствующих, за исключением лорда Иссилдора, оказавшего нам посильную помощь. Однако лорд Иссилдор держался в арьергарде и колдовал из-под защитного барьера, а я рубился с королем Лотаром на передовой, в самом пекле. И знаю, как ведут себя орки, когда они настроены всерьез. Они роют ямы,

вкапывают колья, убивают людей сотнями. Вонь от них стоит на три лиги в округе, и на то же расстояние пропитывается кровью земля, так что даже размякает и в ней увязают подводы. А что мы видим из всего этого сейчас на Скорбном Перевале? Хоть что-то из этого? Нет? Ну вот я и говорю: нечего паниковать. Это просто отряд каких-нибудь дезертиров, заблудившихся в предгорье.

– Отряд дезертиров, уничтоживший три наших форпоста? – спросил Брайс.

Лорд Урсус смерил его с головы до ног взглядом, который Брайс слишком хорошо знал. Именно так смотрели на него Клайд и Рейнар, когда говорили: «Подрасти сперва, щенок».

– Стоило оставить там людей побольше. И поотборнее, – процедил маршал. – Тут я с вами соглашусь, мой принц. Но поймите также и вы, что с западного направления орки не нападали на нас уже несколько сотен лет. Наши позиции там довольно слабы. Потому даже небольшой отряд этих полужверей мог натворить бед.

– И зачем это понадобилось небольшому отряду полужверей? Разве звери не думают только о том, чтобы утолить свою животную суть? Им достало бы разорить пару хуторов, которые вообще никак не укреплены. Но они вырезали целую деревню и разрушили сторожевые башни. И, кстати... – Брайс повернулся к внимательно смотрящему на него Лорду-дознавателю. – Лорд Дальгос, нам известно, что произошло сначала? Нападение на деревню или уничтожение форпостов?

– Сложно сказать наверняка, мой принц. Но полагаю, что сначала были уничтожены форпосты, так как они, разумеется, ближе к перевалу. Вряд ли бы отряд орков прошел мимо них к поселению незамеченным.

– Или, – нахмурился лорд Фрамер, – они могли пройти мимо и занялись деревней, чтобы выманить стражей. Ведь что такое по сути эти наши западные форпосты? Несколько древних деревянных башен с не очень-то хорошим обзором. Их первейшая задача – не давать самостоятельный отпор врагу, а подать сигнал, который будет замечен с форпостов по линии Рокамира. Но почему-то они этого не сделали...

– Решили, что справятся сами? – предположил Лорд-маг. – Если орков действительно пришла всего пара десятков, такое возможно.

– Да, хотя и очень глупо, – сказал Брайс. – В тех краях не видели орков пятьсот лет. Даже если бы там показался всего лишь один орк, караульной страже следовало немедленно дать сигнал и лишь тогда попытаться их остановить. Лорд Урсус, такой сигнал был получен на линии Рокамира?

Маршал какое-то время молчал. Брайс почти физически видел, как ворочаются тугие извилины этого тучного великана, пытающегося подыскать наиболее безопасный ответ. Тщетно, увы.

– Вообще-то да, – пробурчал лорд Урсус.

– Что? – Яннем слегка привстал в кресле. – Что вы сказали, маршал?

– Был сигнал! – рявкнул тот. – Только мне сообщили об этом уже после того, как с перевала прискакал гонец. Тот, что сразу умер.

– То есть система цепной передачи сообщений в таких случаях у вас не налажена, я правильно понимаю? – прищурился Брайс. – Если орки появились на перевале ночью, в Эрдамаре должны были получить сообщение об этом не позднее утра!

– Не учите меня вести войну, молодой человек! – прогремел лорд Урсус, вскакивая с места. – Я сражался под рукой короля Лотара, когда вы еще в пеленки прудили, и знаю, как и когда использовать предоставленные мне ресурсы!

– Мой принц, – тихо сказал Яннем, и маршал обернулся к нему непонимающе:

– А? Сир?

– Вы забыли добавить «мой принц», обращаясь к брату короля. Когда говорили про то, как он прудил в пеленки.

Яннем сказал это без тени улыбки, однако и без гнева. По рядам советников пробежал сдержанный смешок, но все тут же стихло. Лорд Урсус побагровел. Перевел выкаченные глаза на Брайса, который сидел, вцепившись в подлокотники и с трудом сдерживая клокочущую ярость. Но внезапное заступничество Яннема сбilo его с толку, поэтому он молчал.

– Мой принц, – хмуро сказал маршал и сел на место.

Некоторое время стояла тишина. Яннем сидел неподвижно, взгляд его был так же неподвижен, и эта непроницаемость, как и кроющаяся за ней смутная угроза, до боли напомнила Брайсу отца. Странно. Из них двоих Яннем всегда походил на Лотара еще меньше, чем Брайс.

– Так вы считаете, лорд Урсус, что это просто случайная вылазка, – проговорил наконец король совершенно нормальным тоном. – И что бросать все силы на Скорбный Перевал сейчас неразумно.

– Это будет роковой ошибкой, сир. Линия наших границ на юге и юго-западе слишком длинна, оборонные фортификации требуют крупных гарнизонов. Если мы ослабим их, то создадим брешь в обороне наиболее опасного направления – на границе с южной степью.

– Нынче зима, – сказал Брайс. Он внезапно понял, что это очень важно. Было во всем этом нечто такое, что они упускали из виду. И зима – часть этого.

– При чем тут зима? – раздраженно спросил Урсус.

– При всем. Во-первых, зимой не воюют. Если бы южная орда или, того пуще, император Карлит решили нанести удар по Митрилу, они бы сделали это в другое время года. Сейчас в степи распутица после осенних дождей, подножного корма нет ни для лошадей, ни для орочьих варгов, рощи и поля стоят голые, и мы просматриваем равнину на много лиг вперед. К тому же в орочьей армии, в отличие от нашей, в принципе нет зимнего обмундирования. Зимой на нас никто не нападет с юго-запада.

– А с гор нападет, что ли? – свирепо спросил Урсус, вконец разозленный необходимостью вести спор с желторотым юнцом.

Брайс посмотрел в его налитые кровью глаза, почти скрытые за мясистыми складками век, и спросил:

– Озеро Мортаг уже замерзло?

Урсус открыл рот. Закрыл. Снова открыл и снова закрыл – ну точно выброшенный на берег жирный карп.

– Да, – после паузы ответил вместо маршала лорд Дальгос. – Мне сообщали, что замерзло.

Все помолчали, оценивая это новое известие. Озеро Мортаг вплотную примыкало к Скорбному Перевалу. Оно было не слишком глубоко, но велико, вода в нем оставалась ледяной в любое время года, а на зиму затягивалось толстым слоем льда. Согласно преданию во время Войны Скорби именно по озеру Мортаг прошла большая часть орочьей армии.

– За этим они и приходили, – сказал Брайс. – Хотели проверить, замерзло ли озеро. А все остальное – набег на деревню, разрушение форпостов – просто для отвода глаз. Может, они и форпосты разрушать не собирались, но у стражников не оказалось четких указаний на случай подобных событий. Они зажгли сигнальные огни и, видя, что орки бесчинствуют в деревне внизу, не усидели на месте и полезли в схватку. Орки убили их и уничтожили наши башни, чтобы прервать сигнал. Может быть, именно поэтому мы и не получили известие о вторжении вовремя.

– Вторжении? – переспросил маршал подскочившим на октаву голосом. – Вы что, всерьез говорите о вторжении? С запада? Зимой?! Это просто смешно!

– Именно зимой. И это совершенно не смешно, лорд Урсус. Это значит, что у них есть особые причины нападать именно сейчас. И может быть, это как-то связано с обстоятельствами гибели моего отца.

Зловещая тишина повисла при последних словах Брайса. Разумеется, все собравшиеся знали, при каких обстоятельствах погиб Лотар. То, что его могучая магия неожиданно пере-

стала действовать, словно свеча, потухшая на ветру; то, что случилось это в таких глубинах гор, куда люди редко отваживались проникать; то, что Лотара убил тролль-шаман; то, наконец, что уничтоженная орками деревня лежала всего в паре лиг от ущелья Смиграт, где погиб король... Все это могло быть чередой простых совпадений. Но могло и не быть. Потому что сейчас зима, а зимой не воюют даже орки. Так повелось испокон веков.

«Но что-то изменилось здесь и сейчас, – подумал Брайс. – Что-то меняется».

– Как ты считаешь, Брайс, что нужно делать? – спросил Яннем.

Это был первый раз, когда он поинтересовался мнением своего брата, будучи королем Митрила. Первый раз, когда не словом, но действием признал право Брайса находиться здесь, в зале Совета, и сидеть в этом кресле, пусть и в дальнем конце стола.

Брайс тщательно обдумал ответ.

– Провести глубокую разведку по ту сторону перевала. Если найдем хоть малейшие признаки того, что это нападение может оказаться не единичным, – немедленно начать переброс войск к Скорбному Перевалу от линии Гедемира. Это наименее критичная точка в южной обороне, ее можно ослабить без большого риска. И, разумеется, нужно начать восстанавливать и укреплять западные форпосты. Вообще-то это следовало сделать в тот же день, как только пришло сообщение о нападении.

– Это просто нелепо, – картинно расхохотался лорд Урсус. – Переброс войск с линии Гедемира! А вы знаете, что...

– Лорд Урсус, встаньте и выйдите вон.

Семь голов как по команде повернулись в сторону Яннема. Тот не ответил ни на один из обращенных к нему изумленных взглядов. Он смотрел на лорда Урсуса. У того затряслась нижняя челюсть.

– Ваше величество, понимаю, я не член вашего Совета. Но на правах королевского маршала я...

– Вы больше не королевский маршал, милорд. Извольте встать и выйти ВОН.

Яннем не повысил голос. Но лорд Урсус подскочил так, словно скорпион ужалил его в обширный зад.

– Вот как? Вот как? – повторял он, обводя Совет возмущенным взглядом, словно ждал, что его поддержит кто-то из сидящих здесь людей, поможет осадить этого наглого выскочку, по нелепому недоразумению ставшего королем Митрила. – А кто же в таком случае теперь маршал?

– Мой брат. Брайс, подойди ко мне и преклони колени.

Брайс встал. В голове у него слегка помутилось: он чувствовал на себе полдюжины пар глаз, но был словно отгорожен от них невидимой стеной. Неужели... Он медленно прошел через весь зал, мимо Лордов-советников, и остановился напротив трона, на котором сидел его старший брат. Вблизи стало заметно, что Яннем плохо выглядит: небритый, хмурый, с синяками под глазами. Он плохо спит, и уже давно. Но тем не менее сейчас он улыбался. Не вставая с трона, он протянул Брайсу обе руки и сказал:

– Клянись. Клянись мне в верности. Ты ведь еще не принес оммаж своему новому королю.

И правда, не принес. Как-то не до того было. Они ни разу не оставались наедине и ни разу толком не говорили со дня коронации. И вот теперь Яннем сказал Брайсу этим поступком все, что хотел и мог сказать. Принеси мне оммаж, и я сделаю тебя королевским маршалом, дам тебе войско, о котором ты всегда мечтал. Встань у меня за спиной, позади моего трона. Отрекись навсегда от стремления занять его самому.

Брайс вдруг ощутил жжение в глазницах: верный признак магии. Кто-то судорожно пытался пробиться сквозь заслон, который он привычно держал вокруг своей ауры, как когда-то давным-давно научила его мать. «Жизненно необходимое умение для младшего принца», –

поясняла она. Брайс не собирался опускать этот заслон, но с любопытством заглянул на него – и увидел тень виконта Эгмонтера, беснующуюся в попытках привлечь его внимание. Сам Эгмонтер сидел за столом неподвижно, сложив на коленях руки. Он не принимал участия в дискуссии, и Брайс только теперь понял, почему: все это время он безуспешно пытался связаться с Брайсом. Что было невозможно ввиду существующего вокруг Брайса барьера. Но сейчас ему даже не требовалось приспускать заслон, чтобы понять смысл сигнала. Нет! Нет! Тьма тебя побери, дурак, не смей принимать его предложение! Это ловушка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.